

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Не твоя ДОЧЬ

КРИСТИНА МАЙЕР

Кристина Майер

Не твоя дочь

<https://litres.ru/74694814>

Аннотация

— Посмотри мне в глаза и ответь: это моя дочь? — от холодного, забытого тона мороз по коже, но я не собираюсь прятать глаза в пол. Тихомирову пора вспомнить, что я даже восемнадцатилетней девчонкой никогда не отступала, а теперь я мама. Мама замечательной малышки, которую не дам в обиду. — Смотрю тебе в глаза и повторяю: у моей дочери нет биологического отца. Если в будущем я встречу достойного мужчину, верю, что он захочет удочерить... — фраза застывает на губах, пальцы Глеба сжимают мою шею. Выпад был такой резкий, что я не успела увернуться. Он ничего не говорит, но взгляд такой красноречивый, что мороз пробирает до костей. Готов меня убить только за то, что я родила от него ребенка, не сделав аборт, или за то, что в моей жизни может появиться другой. Тихомиров всегда был собственником.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	69
Глава 15	73
Глава 16	77
Глава 17	81
Глава 18	85
Глава 19	89
Глава 20	93
Глава 21	97
Глава 22	102

Глава 23	106
Глава 24	110
Глава 25	114
Глава 26	118
Глава 27	122
Глава 28	126
Глава 29	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Пролог

Милада

Закрывая за собой дверь частной клиники, я закрывала дверь в свою прошлую жизнь.

На улице шел снег, пышными хлопьями срывался с неба, прятал под чистым покрывалом грязный замерзший наст. Только бы не поскользнуться и не упасть.

На телефон пришло сообщение, тихий звук рингтона на миг ворвался в шум города. Не доставая смартфон из кармана, я знала, от кого послание. Читать и отвечать не спешила. Да и нечего сказать. Позже надену маску на лицо и убедительно совру. Не первая ложь за последний месяц.

За полгода я успела устроиться на работу в крупную компанию, потерять голову от любви, выйти замуж, уволиться с работы и развестись. Теперь вот готовлюсь стать матерью-одиночкой. Нехилая такая продуктивность.

Полупустые дорожки ближайшего парка, хмурые серые деревья – все нагоняло тоску. Хотелось пройтись, подумать. Хотя по большому счету думать было не о чем. Я не стану делать аборт, не стану сообщать Тихомирову о своей беременности. Мало того, что ребенок ему не нужен, так еще будет жестко настаивать на аборте. В этом вопросе для моего бывшего супруга ничего не изменилось. Он сразу предупредил, что детей в нашей жизни не будет. Полгода назад я ве-

рила, что со временем все изменится, теперь знаю, что не изменится...

Кто-то советует не затягивать с женитьбой, другие говорят, что нужно друг друга хорошо узнать. Каждый случай уникален. Нет правил, дающих стопроцентный результат. Отношения – это не только любовь и страсть, это доверие, уважение, умение ценить...

Не смахнув свежий снег, присела на край скамейки, подставила лицо летящим с неба хлопьям. Сегодня я не смотрела на гуляющих с колясками мам. За пять дней насмотрелась. Поняла, что хочу этого малыша.

Еще до похода к гинекологу я сделала несколько тестов. Поверить в то, что каждый из них выдает ошибку? Всякое бывает, но это не мой случай, я знала, что беременна. Одна незащищенная близость дала стопроцентный результат.

Я помню ту ночь до мелочей. Глеб не приехал домой, он не брал трубку телефона. Выяснить, где находится мой муж, не составило труда. Звонок охраннику, тот и не подумал скрывать от меня, что супруг в номере отеля с начальником безопасности поминают покойного друга.

Сейчас я не могу себе объяснить, почему сорвалась и поехала туда. Между нами все стало настолько зыбко, что я перестала верить своему мужу. Чувствовала, что застану его с женщинами. Знала, что это будет крах всему, но осознанно пошла на этот шаг. Никогда не терпела вранья, не смогла бы

принять измену и жить так, будто между нами все хорошо.

На крыше отеля находился бассейн и стеклянное ограждение. Этот номер был «нашим». Столько раз мы занимались здесь любовью. Столько прекрасных ночей и вечеров провели. Столько воспоминаний... смазать своим предательством. Любой другой номер, но не этот...

Думала, умру от боли, когда увидела в бассейне двух девиц. Они вились вокруг Кирилла, то ли танцевали, то ли это была прелюдия к разврату, не стала долго смотреть и выяснять. Своего мужа взглядом отыскала не сразу. Он, полностью одетый, сидел в тени и пил, лениво наблюдая за «представлением». На миг я позволила себе его оправдать, но потом увидела рядом бывшую любовницу... тоже в купальнике.

Скандал я устраивать не стала, подождала, когда он меня заметит, улыбнулась, развернулась, чтобы уйти. Вот он — крах моей любви...

Догнал. Закрыл меня в спальне, выгнал всех из номера. Глеб не пытался оправдаться или объяснить. В этом весь Тихомиров.

— Ты от меня не уйдешь! — проговорил зло в лицо. Понял, что я хотела сказать ему своей улыбкой. Глеб удивительно точно чувствовал мое настроение.

— Зачем жить с предательницей? — выплюнув ему в лицо обвинения последних месяцев. — Зачем мучить нас обоих? Ты ведь не умеешь прощать! — не в первый раз эти слова

кричала ему в лицо.

— Не напоминай, Милада! Не напоминай... — мотая зло головой. — Ты не имела права скрывать от меня болезнь Ивана! Если бы он умер...

— Он не умер! Твой брат жив и борется с болезнью, а ты никак не можешь меня простить.

— Я пытался... но в браке нет места лжи!

— Так нет брака, Глеб! Ты думаешь, я это забуду и прощу? Все кончено. Ты мне больше не нужен, — гневно выговаривая, трудно в такой момент нацепить маску спокойствия, когда тебя топят болью и обидой. Я умирала, сердце захлебывалось кровью. — Возвращайся к Алене, она тебя всегда рада будет принять, а меня оставь в покое. Я завтра же подаю на развод...

Эти слова разбудили в Тихомирове зверя. Бросив меня на постель, навалился сверху. Это не было насилием в принятом смысле слова. Он отлично знал мое тело, знал, как оно реагирует на его ласки. Старательно, жестко, долго он добивался отклика. Добился. Глеб настолько потерял голову, что впервые не использовал защиту.

— Мои юристы займутся разводом, — поднимаясь с постели. — Утром ты пойдешь к гинекологу, пусть она выпишет препарат, который принимают в первые часы после незащищенного секса.

Мое состояние в тот момент нельзя описать словами...

К гинекологу я сходила, купила таблетки и даже выпила.

Не сработало. В моей вселенной явно кто-то любит подшутить. Рожать в девятнадцать – рано, но если ребенок зачат, значит, он должен родиться.

Телефон напомнил о себе. Не дождавшись ответа, Глеб решил позвонить.

— Слушаю, — включая громкую связь. Вокруг никого.

— Месячные пошли? — кто бы сомневался, что этот вопрос будет его волновать.

Встретившись в суде два дня назад, перед тем как нас официально должны были развести, я сообщила ему о задержке. Импульсивный поступок, за который мне стыдно перед самой собой. Во что-то еще хотелось верить, ведь любовь нельзя вычеркнуть по щелчку пальцев.

— Пошли. Задержка была связанна со стрессом. Доказательства нужны? Могу отправить почтой, — зло иронизируя. Ответом мне был сброшенный звонок.

Впереди возвращение в Новосибирск к родителям, но прежде я хочу сменить обстановку. Слетаю провести Ваньку, потом махну туда, где солнце и всегда тепло...

Глава 1

Милада

— Борис уснул, я убежала, — мама тихонько заглянула в нашу спальню.

Теперь мы по очереди бегаем в салон красоты, чтобы привести себя в порядок. Когда в доме два младенца, на себя времени практически не остается.

— Иди, — одними губами.

Варя весь день капризничает, не спит. Всю ночь и весь день на руках. Вчера у нее поднялась температура, зубки лезут. Пробовала разные гели, но они что-то плохо помогают. С маленьким братишкой проблем нет. Того, главное, накормить и уложить. Они родились с разницей в пять недель, но Борька весит на два килограмма больше. Мама уверяет, что младенцем я тоже плохо ела, но это мало успокаивает.

Помассировав десна, в очередной раз нанесла тонкий слой геля на воспаленные места. Скорее бы они прорезались. Варю все-таки удалось укачать. Спустилась в кухню, с утра еще ничего не ела, а время близится к вечеру.

После родов я набрала почти двенадцать килограмм, но за полгода умудрилась уйти в минус. Малышка справилась с моим похудением лучше любого фитнес-инструктора. Варя не была спокойным ребенком, наверное, сказались переживания. Ревела я первые два триместра регулярно. Гормоны

плюс тяжелое моральное состояние. Специально ведь уехала путешествовать, чтобы сменить обстановку и не думать о Глебе. Не получилось.

Раньше рядом был Ванька, который всегда подставлял свое плечо. В тот период времени он не мог быть со мной, я и не хотела. Не хотела, чтобы он узнал о том, что у него есть племяшка. Вот такая странная я подруга. Не верю, что Ванька мог бы меня предать и рассказать брату о дочери, но я перестраховалась. У каждого из нас есть тайны, моя — слишком мне дорога. Я никогда не думала, что могу любить так сильно. Любить кого-то сильнее Тихомирова.

Только с рождением ребенка я выкинула его из головы. Всю свою любовь направила на кроху, так похожую на отца. Мама уверяет, что Варя моя копия, но я не вижу нашего сходства. Нос, цвет и разрез глаз точно тихомировские, мои, может, только губы — и то сомнительно, своей улыбкой Варя напоминает отца.

Чуть подогрев суп, налила себе полтарелки, больше не съем. Не успела проглотить полную ложку, раздался тихий гудок телефона. Губы тронула улыбка. Ванька! Он мне часто звонил! Сейчас он проходит плановое обследование в Израиле.

Промокнув салфеткой губы, приняла вызов.

— Привет, — радостно произношу в динамик. Мы никогда не говорим о Глебе, будто его нет. Я попросила об этом Ваньку после того, как он узнал о нашем разрыве, больше

друг ни о чем меня не спрашивал.

— Привет, Ромашка, — растягивая прозвище. Моя улыбка становится шире. — Как дела?

— Все хорошо, Вань. Как еще может быть? — давлю в себе тоску и слезы, наворачивающиеся на глаза. Глеб не просто разбил мне сердце, он увел из моей жизни очень дорого человека. Взамен дал намного больше, даже не подозревая, но Вани мне все равно очень сильно не хватает.

— Всякое может быть, никто не обижает? А то приеду, уши надеру! — Ванька намекал на родителей.

В свое время они доставляли мне массу переживаний, но после того, как мама забеременела наконец-то наследником, что-то в доме изменилось. Папа как-то резко повзрослел, перестал после работы зависать в ресторанах, расхотел задерживаться на работе, а маме стало неинтересно ему мстить.

Нашу семью можно назвать образцовой. Перебирая в памяти нашу прошлую жизнь, очень надеюсь никогда туда не вернуться. Борьке такой атмосферы в доме, при которой росла я, не желаю.

— Не обижают, Вань! Все по-прежнему хорошо.

— Тебя заперли с малышами и не пускают на свидания, разве это хорошо? — подтрунивает друг. — Или ты ждешь возвращения своего футболиста?

— С малышами я сама рада оставаться, меня просить не надо, — от Вари меня вообще сложно оторвать.

Родители меня пинками выставляют за дверь погулять без

ребенка, сходить куда-нибудь с подругами. Мама категорически против, чтобы я ставила на себе крест. Каждый месяц к нам в дом приходят новые интересные молодые люди, которые не очень рады бывают узнать, что я мать-одиночка.

Мама ругает, что я с порога отпугиваю женихов, рассказывая им сразу о своей дочери. А я делаю это намеренно, ну не нравятся мне кандидаты в «папы».

— Так что там, на личном фронте?

— Папа продолжает поставлять женихов прямо к порогу нашего дома, — смеюсь в трубку. — Но Берт... — подбирая слова.

После возвращения в Новосиб мы встретились в старом кафе. Я не скрывала от него развод и беременность, да и сложно было скрыть живот на пятом месяце. Пусть и небольшой, но он был. Берт поддерживал меня, мы много времени проводили вместе, он и отец даже забирали меня из роддома. Вместе гуляли с Варей каждый вечер, почти в любую погоду. А три месяца назад его пригласили снова на просмотры в московский клуб. Берт не хотел уезжать, но я настояла. Когда нужно, я могу быть очень убедительной.

— Берт продолжает занимать лидирующую строчку в моем сердце, — не лукавя. Резкий грохот на том конце динамика ударяет по ушам. — Вань, все в порядке? — испуганно и напряженно интересуюсь в трубку.

— Да, я перезвоню... — отбивает звонок.

Глава 2

Глеб

— Больше я не буду звонить Миладе по твоей просьбе, Глеб, — кинув телефон на диван, произнес Иван. — Это было в последний раз. Хочешь узнать, как у нее дела, садись в самолет до Новосибирска и лично поинтересуйся, — выговаривал брат. Закинув ноги на журнальный столик, осуждающе смотрел на меня. В руках крутил стилус от планшета.

В углу бесформенной кучей лежали черепки только что разбитой вазы. В стену полетел мой телефон. Не сдержался. Ей единственной удавалось поднять в моей душе бурю. Вывести на такие эмоции и ревность, что я себя не узнавал.

Единственная женщина, которая пробралась в мое нутро и даже спустя почти два года способна вывернуть его наизнанку. Я сам ее отпустил. Хотел ли я вернуть эту женщину в свою жизнь? Каждый день – и каждый день запрещал себе.

— Сколько это еще будет продолжаться? — Иван не отводил взгляда.

Если бы я знал. Сам себя спрашиваю постоянно. Когда эта дыра в душе затянется, когда я смогу не думать о ней?

Засунув руки в карманы, без особого сожаления посмотрел на сломанный телефон. У меня их два, второй при мне, кому надо – дозвонится.

Отошел к панорамному окну, отсюда открывался пре-

красный вид на озеро, но сейчас я ничего перед собой не видел. В ушах звучали слова Милады.

— Что там с проектом? — интересуюсь у брата.

Проект крупный, я до последнего сомневался, отдавать его Ивану или нет. Он уверяет, что полностью восстановился, но я все равно боюсь загружать его как раньше. Страшно представить, что болезнь может вернуться.

— Ты тему не переводи. И не вздумай после услышанного опять портить мальчишке карьеру. Где ты ему на этот раз место купишь? В Челси, чтобы подальше от нее держать? Отпустил, так пусть живет своей жизнью. Сколько можно, Глеб?

Брат говорил разумные вещи, я бы сказал ему то же самое, но дело в том, что мой разум молчал, когда дело касалось Милады.

— Я не слежу за ней, — в свою защиту.

Сам себе удивляюсь. Много раз хотел нанять людей, но жестко запрещал себе лезть в ее жизнь. Хотя забыть не удавалось. Первое время было особенно сложно, мне нужно было знать о каждом ее шаге, но я больше не имел права ее контролировать. С ума сходил от беспокойства. Это ее путешествие в одиночку окрасило мою голову в серый цвет, но даже тогда я наблюдал за ней через Ивана. Он звонил почти каждый день и выяснял, что с ней все в порядке.

— Но как только узнал, что она встречается с футболистом, оформил ему путевку в новую жизнь. Хватит играть людьми, Глеб. Рано или поздно в ее жизни появится мужчи-

на, которого ты не сможешь прогнать. Или возвращайся, или не лезь к ней больше.

Это не первый наш разговор. Скорее всего, через месяц я вновь неожиданно появлюсь на пороге его дома, чтобы хоть что-то узнать о ней.

— Как ты с этим справился? — оборачиваюсь к брату.

— С чем? — дает быстрый ответ. Слишком быстрый.

Ванька понял, о чем я его спрашивал. Я всегда догадывался, что он был в нее влюблен. Хрен бы я поверил в обратное. Я видел ревность, она была не такой жгучей и ядовитой, как моя, но была. После операции он восстанавливался быстрее, когда она была рядом.

Иван сумел ее отпустить, я – нет. Наверное, не смогу никогда.

— Ни с чем, — понимаю, что мне не нужен его ответ. От моего безумия нет средств.

Открыв дверь, вышел на террасу, оттуда спустился к озеру. У меня проект в Новосибирске. Куплена земля под целый гостиничный комплекс. Составлены планы, проекты. Люди давно на низком старте, ждут моей отмашки. Нужно лететь, а я тяну.

Это как у наркоманов, вроде в завязке, но к дозе лучше не подпускать. Окажусь с ней в одном городе – не остановлю себя, захочу ее увидеть. Фотографий станет недостаточно.

Прогуливался по берегу, пиная гальку мыском туфли, как в детстве. Прохладный осенний ветер забирается под полы

рубахи, остужает тело, но не разум. Очередная борьба с собой. Отговариваю себя лететь в Новосибирск и заниматься проектом. Нужно нанять толкового управленца...

Хватит себя обманывать. Достаяю телефон из кармана, набираю своей помощнице.

— Таня, забронируй на среду билеты до Новосибирска. Ты летишь со мной.

— Глеб, но у нас ведь в среду...

Отбиваю звонок. Весь мир пусть провалится в бездонную яму. Решение я принял...

Глава 3

Милада

— На твой счет пришло очередное поступление, — за ужином заговорил отец. Старался изображать беззаботный вид, он упорно смотрел в тарелку.

— Мне не нужны эти деньги, — сухо ответив, поднялась из-за стола. — Пап, верни их Тихомирову, я же тебя просила.

После развода Глеб оставил мне трехкомнатную квартиру в центре Москвы с ремонтом, машину и ежемесячное содержание, пополнял счет на круглую сумму денег, из которых я не взяла ни копейки. Он об этом знал, но упорно продолжал пополнять счет.

— Тебе не нужны, понадобятся Варе. Не спеши отказываться. Мы люди не бедные, но никто не знает, что нас всех ждет дальше. Это ее деньги, если тебе они не нужны, — подняв на меня взгляд, спокойно произнес отец. Отложив в сторону ложку, попросил поставить чайник на плиту. Я не хотела ничего принимать от Тихомирова. Не хотела даже косвенно пускать его в жизнь своей дочери. Для нас его не существует.

— Я сама заработаю на будущее своей дочери, — это не обида во мне говорит. Зная, что Глеб категорически не хотел иметь детей, я не собираюсь его деньги тратить на своего ребенка. Сейчас мне сложно совмещать заботу о ней и уче-

бу. Добавить в этот список работу никак не получается, хотя такое желание есть.

Ставлю чайник на плиту.

— Ладно, не будем спорить, — папа стал терпимее, он не старался, как раньше, повлиять на мою жизнь, получить с этого выгоду. Его бизнес после вливаний Тихомирова пошел в гору. — Милада, — я хотела подняться к детям, чтобы мама спустилась и поела. Наверняка она уже закончила купать малышей.

— Пап, что-то случилось? — останавливаюсь, напряженно глядя на него. Он что-то недоговаривает.

Меня должен был насторожить разговор о переводе, ведь последние полгода он об этом ни разу не упомянул. Сердце пропускает удар, мысль еще не сформировалась в нужном направлении, но предчувствие неминуемой беды вызывает панику.

— Тихомиров в городе, — качнувшись, прислоняюсь к холодильнику. Ноги становятся ватными.

Он ведь не из-за меня приехал. Что я так разнервничалась? Почти два года Глеб не напоминал о себе. Это его родной город. Здесь могилы его родных. Насколько я знаю, здесь до сих пор остается часть его бизнеса. Приехал и приехал.

— Он звонил мне, — сообщает отец. Мое сердце и так бьется неровно, перед глазами расплываются темные пятна. Я не хочу, чтобы мое прошлое стучалось в двери.

Папа прервал все отношения с Тихомировым, когда мы

развелись. Я позвонила из путешествия и рассказала о разводе. Впервые я почувствовала поддержку отца, он сразу обвинил во всем Глеба, хотя я пыталась его переубедить.

— Он взрослый мужчина, Милада. Если взял ответственность за молоденькую жену, то, будь добр, неси эту самую ответственность! Я говорил ему, что ты еще не готова к браку, — удивил тогда меня папа.

Не знала, что они разговаривали. Оказывается, папа не горел желанием сплавить меня за миллиардера, а я думала, что он был рад.

— Милада, ты меня слышишь? — забеспокоившись, папа поднялся из-за стола, направился ко мне.

— Все хорошо, пап, — отвлекаясь от воспоминаний.

— Ты побледнела, — набрав стакан воды, протягивает мне. — Выпей, — сделав два глотка, возвращаю стакан отцу. На плите свистит чайник. — Давай провожу до комнаты, ты приляжешь, — выключая плиту.

— Да все нормально, пап, — я так и не смогла привыкнуть к их заботе за это время. Так много поменялось в нашем доме со второй беременностью мамы, что я до сих пор не могу перестать удивляться.

Мои родители словно заново влюбились друг в друга, простили за прошлое и не возвращаются в те дни, когда в доме царили бесконечные ссоры и упреки. Ощущение, будто этого никогда не было, но страх остался, что все это может измениться.

Придерживая меня за талию, папа поднялся со мной на второй этаж, провел меня до кровати.

— Давай, ложись, — убирая в сторону покрывало. Услышав шаги, в комнату заглянула мама.

— Ты ей рассказал? — папа мотает головой.

— Что ты должен был мне рассказать? — разволновавшись еще больше.

— Ничего, Милада, — не хочет отвечать отец.

В родительской спальне малыши требуют внимания взрослых, раздается дружный плач, опять что-то не поделили. Мама срывается с места и бежит к ним.

— Папа? — смотрю на него с волнением. В груди печет.
— Рассказывай.

— Я думал, ты уже все отпустила, — присаживаясь на край постели, берет меня за руку.

— Отпустила, пап. Что ты должен был мне сказать? — сжимая его ладонь.

— Глеб завтра вечером придет к нам в гости...

Глава 4

Милада

— Перестать нервничать, твое состояние передается ребенку, — не в первый раз за сегодня предупреждает мама.

Я носилась по комнате, перекладывала игрушки с места на место.

Как тут не нервничать и не злиться? До ужина с Тихомировым остается чуть больше часа, а я видеть его не желаю, но и убежать не стану.

Я никогда не сбегала от проблем, а тут хочется схватить Варю и исчезнуть из Новосиба. Глебу ребенок никогда не был нужен, он вообще в сторону детей не смотрит, будто тех не существует. На детские мероприятия он сам никогда не ходит, всегда посылает Таню. Навязывать ему знакомство с малышами в наши планы не входит, тут мама меня полностью поддерживает. Пусть с Борькой они не похожи, меня это не смущает, Тихомиров точно присматриваться не станет.

Мне не совсем понятна цель его визита, но вывод напрашивается только один – Глебу что-то нужно от меня. Не поверю, что ему спустя столько месяцев захотелось обсудить дела с отцом. Он даже долг не забрал, когда папа предложил вернуть деньги с процентом. После свадьбы он и вовсе решил инвестировать в отцовский бизнес.

— Милада, все будет хорошо, — спокойным тоном про-

износит мама, ловит мой взгляд и кивает в подтверждение своих слов. — Отец после вчерашнего шаг в сторону побойтся сделать.

Вчера мама с папой поругались. Потому что, как и я, мама не понимает, какого лешего он позвал Тихомирова к нам домой?

— Дела обсудить можно в офисе или ресторане, Степа! Такого, как наш бывший зять, на порог пускать нельзя! — ругалась на самом деле только мама, папа умолял ее не нервничать.

— Стеша, не кричи. Тихомиров и не спрашивал, он не умеет просить. Поставил меня перед фактом, а я не нашелся, как ему отказать.

— Ты бизнесмен, Степа, или дворник? Как это ты не мог ему отказать? — бушевала мама, я тихо стояла в сторонке, позволяя ей вести бой.

— Стеш, я поднял трубку, он деловым тоном сообщил, что вечером заедет, есть разговор, — оправдывался родитель. Он уже понял, что по всем фронтам не прав, но не готов был повернуть назад и ударить в грязь лицом перед Тихомировым.

— Так ты бы послал его, Степ, с этим разговором куда подальше. Сказал бы, что в доме маленькие дети, гостей не принимаем, — подхватывая Бориса на руки.

— Мне что, прятаться от него, как девчонке обиженной? Дочь, это не в твой огород камень, — предупредительно вы-

ставив вперед ладонь. — Я так подозреваю, что у него к Ми-
ладе разговор, а не к нам.

— А то мы не догадались. Конечно, он не ради вашей ста-
рой заржавевшей дружбы сюда приехал! А ты спросил: она
с ним хочет разговаривать?

— Выслушать-то мы его можем?

— В доме, где растет его дочь, которая ему не нужна?
Больше мест в Новосибирске нет?

— Стеша, ты забываешь, что он был моим другом. Что
это он помог нам с бизнесом.

— А еще я помню, что он был нашим зятем! За эту по-
мощь он взял у тебя самое дорогое, но не сумел оценить...

— У мужиков... — попытался папа вставить слово, но где
ему, если мама разошлась.

— Степ, знаю я, как у вас, у мужиков! — отмахнулась
мама. — Предъявляете по делу, расходитесь. Потом встре-
чаетесь, пьете вместе, морду бьете, потом опять пьете. Возь-
ми сына и поменяй ему памперс, — поставила мама точку
в споре...

— Ты должна выглядеть на все сто, — вернул меня в ре-
альность голос мамы. — Пусть не думает, что ты по нему
страдала, — скорчив лицо.

Заморачиваться насчет своего внешнего вида я не соби-
ралась, как не собиралась наводить красоту – макияж и при-
ческу. Волосы я еще днем собрала в высокий длинный хвост.
Надену черные джинсы-дудочки и белый свитер с воротни-

ком. Там принт забавный: олень в красной шапке с помпоном сидит у елки на стуле, пьет кофе.

Если не краситься, то буду выглядеть свежо и юно. Я молодая девочка, у которой все впереди. А он взрослый мужик, который бездарно просирает свои лучшие годы. Деньги не делают человека счастливым. А я точно могу сказать, что Глеб глубоко несчастный человек, которому получать наслаждение от жизни мешают зажавшиеся тараканы. Я думала, что он счастлив рядом со мной. Верила в это и готова была бороться за нас, но Тихомиров отказался от моей любви, предал доверие, растоптал мою душу. Я собрала себя только благодаря голубоглазой малышке, так похожей на папу. Ему в нашей жизни места нет.

Варя заплакала, да такими большими горячими слезами, что я тут же бросилась к ней. Малышка испортила прическу, схватилась за резинку на волосах и что было сил попробовала стянуть. Удалось вместе с волосами.

Глеб пожаловал ровно в шесть вечера. В Новосибире сегодня непогода, обледеневшие дороги замело снегом. Мы бы не обиделись, останься он в отеле. Стараясь не реагировать на застывшее сердце, я сидела на диване и смотрела на малышей, которые играли на ковре у моих ног. Мама хозяйничала на кухне. Его взгляд я почувствовала сразу. Да, тяжело, хочется выть от боли. Боль никуда не ушла, застыла тяжелой ледяной глыбой внутри, что вздохнуть невозможно. Игнорируя его присутствие, я смотрела на мальков и улыбалась, мо-

жет, хоть это заставит его уйти из нашего дома. Из дома, который наполнен детскими голосами, смехом, плачем. Всем тем, чего так избегает Глеб.

— Привет, Милада, — вспоминаю его голос, все оттенки в нем. Не буду анализировать и пытаться разобраться. Медленно поворачиваю голову в его сторону.

— Здравствуй, Глеб, — абсолютно равнодушно, всем своим видом даю понять, что к нему не осталось чувств, все внутри умерло...

Глава 5

Милада

У Глеба в руках пакеты, они сразу бросаются в глаза. Или мне хочется отвлечься от него самого, слишком много пространства и воздуха он забирает у меня своим присутствием.

На самых больших пакетах логотипы крупного детского магазина. Знал, куда шел. Высшая степень лицемерия – принести подарки детям и ни разу не взглянуть в их сторону, будто кроме меня здесь никого нет.

— Хорошо выглядишь.

Он мог этого не говорить, его взгляд красноречивее слов. Так смотрел только он. Жадно, голодно, с тоской и обожанием. Мне не нужна была открытость Тихомирова. Я предпочла бы, чтобы он выстроил стену, спрятался за маской равнодушия. Зачем он окунает меня в прошлое? Прошлое, в котором только я могла заглянуть ему в душу.

Игнорирую щемящую боль в груди. Держу на лице легкую улыбку. Глеб – эпизод моего прошлого, дороги обратно не существует.

— Ты тоже, — из моих уст это звучит до ужаса банально, потому что я никак не подкрепляю слова мимикой, на это и был расчет.

Сложно испортить такую внешность, как у Тихомирова. Глеб стал старше, виски украсились первыми мазками седи-

ны. Взгляд уставший, будто он давно не отдыхал. На лице щетина, обычно он не брился, когда нервничал, когда горели сроки сдачи объекта или произошло какое-то ЧП на его предприятиях. Перед тем, как мы развелись, бритву он тоже перестал признавать.

— Ты никогда не умела лгать, — медленно мотая головой.

А вот в прошлое нас опускать не надо. Не надо ворошить то, что похоронено под слоем пепла. Никаких разговоров о нас.

Нужно переключиться, и нет лучшего способа избавиться от Глеба, чем два малыша. Отворачиваюсь, наклоняюсь и подхватываю на руки Бориса, пока Варя спокойно играет. Ее лучше не тревожить, может рев поднять.

— Ну что, пройдем на кухню? — появляется за спиной Тихомирова отец.

— Это твоим детям, — разворачивается к родителю и передает подарки. Отделался. Фиговый из вас Дед Мороз, Глеб Владимирович. Убеждаюсь, что я поступила правильно, не сказав о ребенке.

«Твоим детям...» — в груди разрастается темная дыра. Обидно за дочку.

— Идем за стол, — отец кладет руку на плечо Глеба.

Борька, что-то лепеча на своем тарабарском, сползает с моих колен, шатко топают к Варе. Я уже пришла в себя, пережила волнение от первой встречи. Страх и скованность от-

пустили. Всколыхнувшиеся в груди чувства я умело прячу.

Все-таки я до сих пор испытываю влечение к этому мужчине. Мое тело вспыхивает рядом с ним, колет иголками нервные окончания, невидимые нити тянут меня к нему. Но я знаю, как сладко с ним — и как больно без него.

Никто после Тихомирова не смог пробудить ту чувственность, что он легко открывал во мне, никто не смог подарить то наслаждение от близости, которое давал Глеб. Но легче отказаться от него сейчас, чем пережить еще одно предательство. Тем более, есть человек важнее Тихомирова — Варя. Она занимает все свободное место в моем сердце.

— Ты не идешь? — спрашивает Глеб, пристально наблюдая за мной.

— Я сегодня за старшую, — улыбнувшись, развожу руки. — Не будем мешать встрече старых друзей, — всем видом даю понять, что история «нас» закрыта. Он может общаться с моими родителями, но в свой круг я его пускать больше не собираюсь.

Братишка ползет вверх, лезет обниматься. Замечаю, как напрягается Глеб. Непривычно видеть, как я целую ребенка? Тогда тебе здесь тем более не место, сделай вывод и уходи. Ты ведь не готов себя прощать...

— Стеше тяжело с двумя, хорошо, что Лада помогает, — отец пытается исправить свой косяк с приглашением Глеба в наш дом. Отводит тему разговора от моей персоны. — Пойдем, посидим.

Глеб не спешит уходить, не сводит с меня взгляда. Нервно как-то и неуютно. Боря сползает вниз, устал целоваться.

На мой телефон приходит сообщение. Я отвлекаюсь на экран смартфона. Это Ванька. Прислал фото. Губы расплываются в улыбке, когда открываю изображение. Он в дутой красной куртке стоит у берега озера, кругом снег. Красота...

Увеличиваю изображение, разглядываю друга. Или куртка его увеличивает, или кто-то собирается участвовать в конкурсе «Мистер Вселенная». Хорошеет с каждым месяцем.

Блин... как же мне его не хватает. Глеб так многого лишил меня...

Поднимаю взгляд, Тихомирова в дверном проеме уже нет...

Глава 6

Милада

«Шли свою фотку. Я соскучился», — прилетает сообщение от Ваньки. Про Глеба не забываю, он под кожей, меня от его присутствия в доме потряхивает, но я переключаюсь на друга. Даже на расстоянии я чувствую посыл тепла.

Прислушиваюсь к тому, что происходит в доме. Из кухни доносится голоса, в основном мамин, не очень довольный. Она старается говорить вежливо, но старается плохо. Тихомирову вряд ли уютно, но он пока не сбежал. Злорадно усмехнувшись, сползаю с дивана.

Опускаюсь на ковер рядом с малышами. Сажусь в позу лотоса. Собираюсь фотографироваться с мелкими. Ловлю Борьку, усаживаю к себе на колено, а ему надо забрать динозавра у Вари. Обычно они дружно сосуществуют, но бывают моменты, когда они могут устроить слезливый бой за игрушки.

Варюшу не стараюсь поймать в объектив. Увидев, что мама спустилась к ним, она карабкается на меня. Снимок получается веселым, на моих губах счастливая улыбка. Варя стоит боком, с перекошенными маленькими хвостиками. Отправляю Ване и жду его реакцию. Уверена, что он, как и я, хранит все наши фотографии, но свежих у него в коллекции давно не было.

Много месяцев я ничего не посылала, а Ванька просил. Не связывалась с ним по видеосвязи. Сначала беременность скрывала, потом хотелось похудеть, чтобы он ни о чем не догадался, а после он перестал просить. Пару месяцев назад я сама послала ему свое фото, и понеслось...

«Твой брат явно объедает сестренку», — в конце ржущий смайл.

Я начинаю смеяться. Мы с мамой шутим, что Варя – девочка-принцесса, которая с рождения на диете. Боря в папу, тот всегда любил хорошо поесть. Мы стараемся малышей рассадить по разные стороны стола. Борис съедает свою порцию, а потом добирается до вкусностей Вари. Пока она, медленно жуя, раздумывает, он уплетает все, что лежит в ее тарелке.

Мы переписываемся с Ванькой, все это время я не перестаю улыбаться. Ухожу в наше общение настолько, что перестаю прислушиваться к разговорам в кухне. Напрягаюсь и закрываюсь, когда ощущаю на себе тяжелый взгляд. Мне не нужно видеть, что в проеме стоит Глеб, я настолько хорошо научилась его чувствовать, что за два года разлуки ничего не изменилось. Не стерлось с подкорки мое притяжение к нему. Между нами даже воздух другой, более разряженный, тяжелый, но такой... от которого голова пьянеет и кружится. Как же сложно мне было первое время без него, словно кислорода лишилась. Невкусно было жить, невкусной была еда, даже воздух, который проникал в легкие, был невкусным.

Позволяю Борьке сползти на ковер и забрать у Вари динозавра. Малышка заползает мне на руки.

Руки Тихомирова спрятаны в карманах. Он медленно проходит в гостиную. Останавливается надо мной. Пульс настолько учащается, что начинает подташнивать. Я не верю, что он узнает в Варе свою дочь, Глеб даже не всматривается в черты ее лица, но меня все равно всю колбасит. Страшно будет, если я себя выдам. Нужно успокоиться. Я сумею, всегда могла с собой справиться.

Не отрывая от меня взгляда, Глеб садится на край дивана. Дети, заметив приближение незнакомца, не спешат идти на контакт. Замирают и подозрительно рассматривают Тихомирова. Если Борька к нему подползет, Глеб сбежит?

— Прогуляешься со мной? — ненавижу этот вкрадчивый, проникающий в душу тон. Пробирает до самой глубины души.

Натягиваю на лицо улыбку. Отработанная годами мимика, в зеркало можно не смотреть, знаю, что выгляжу естественно, будто действительно приятно слышать его приглашение. На самом деле хочется ударить и расцарапать ему лицо. Зачем он приехал? Зачем копает старую рану в моем сердце?

— Последнее время я гуляю только с детьми, — непринужденно пожав плечами.

Злится. Ощущение, будто он знает, что я обманываю. Хотя после отъезда Берта я выходила прогуляться всего лишь

несколько раз с бывшими подругами. Отношениями обзаводиться не спешила.

— Возьми их с собой, — сжимает перед собой руки до побелевших костяшек. Представляю, каких усилий ему стоило пойти на такие уступки.

— Скоро малышей нужно будет укладывать спать. Маме одной не справиться, — как же сложно прятать эмоции, которые захлестывают с головой и топят в боли, сложно делать вид, что между нами все равно.

— У них есть не только мама, но и отец, — с нажимом в голосе.

Удар под дых, настолько сложно удерживать маску, что я наклоняюсь к голове Вари и целую ее в макушку, в мягкие щечки, впитываю сладкий успокаивающий аромат моей малышки.

Да, у детей есть отцы...

Один заботится о своем младенце, а другому ребенок никогда не будет нужен!

— У меня огромный проект в Новосибе, сейчас мы набираем команду. Не хочешь к нам присоединиться?

— У меня сейчас нет времени на работу, — без подробностей, Глеб их не дождет. Удивительно, как он сдержался и не посоветовал нанять няню. Это было настолько ожидаемо, что я даже разочаровалась, когда Тихомиров этого не сказал.

— Я приехал сюда, чтобы встретиться с тобой и погово-

рять.

Какое счастье! А мне это нужно?

— О чем, Глеб? — демонстрируя искреннее непонимание. В гостиную входит отец. Вот кому плохо удастся продемонстрировать счастье. Мама, наверное, прошла тихой пилой по его нервам, пока мыла посуду.

— Я буду ждать тебя в машине на улице, — негромко произносит Тихомиров, поднимаясь с дивана. — Выйди, пожалуйста, когда уложишь детей...

Глава 7

Милада

— Он все еще стоит под нашими воротами! — выглядывая в окно, гневается мама. Если бы она меня послушалась, не бегала к окну. Я ведь сразу предупредила: Тихомиров не уедет. — Для соседей этот цирк устраивает? Три машины с включенными двигателями! Нам еще тут жить! Хоть бы у них бензин закончился! — всплескивает руками, тяжело вздыхая.

— Мам, ты никогда не обращала внимания на завистников и сплетни за спиной, что изменилось сейчас? — для женщины важно куда-то сливать эмоции. Тихомиров вовремя попал под руку, мама в последнее время заскучала.

Мои эмоции некуда сливать. Вряд ли я решусь снять маску, расцарапаю Тихомирову лицо и выскажу все, что эти месяцы гнило в душе. Вручить Глебу такие козыри – обречь себя на преследование. Пусть думает, что у меня все перегорело.

— Выйдешь к нему? — вроде спрашивает, но кивает утвердительно. Мама кипит.

— После того, как уснет Варя, — напоминаю, что она мешает заснуть малышке. Борька наелся и сразу уснул. Варя, чувствуя мое состояние, капризничает, не ложится, а глазки трет.

— Что он хочет? — падая на край кровати, понижая голос до шепота, спрашивает она.

— Поговорить, — мне тоже интересно, зачем Тихомирову прилагать столько усилий? Никогда не поверю, что он хочет жить в ладу со своей совестью, поэтому и собирается наладить дружеские отношения с бывшей женой и ее семьей.

Глеб не бездушная скотина, но он никогда не держит рядом с собой людей из жалости или потому, что так правильно. Тихомиров легко обрубает связи: если они идут в разрез с его интересами, если люди предают или не хотят делить с ним территорию. Я не хочу, и он это отлично понимает. Тогда почему Глеб здесь? Напрашивается очевидный ответ — ему нужна я. В качестве кого? Предполагаю, что любовницы. Он сам неоднократно признавался, что такого секса у него никогда и ни с кем не было. Длительный проект в Новосибире можно совместить с приятными, легкими, ни к чему не обязывающими отношениями. Придется разочаровать, мне отношения с Тихомировым не интересны ни в каком виде.

— Я Варю уложу, а ты иди. Быстрее уедет, — махнула мама рукой, поднимаясь с постели.

— Я никуда не спешу, мам, — она нервничала и хотела скорее со всем разобраться.

Женщине нужно понимать ситуацию, чтобы мысленно в ней разбираться, смело придумывать решения, которых в действительности может не последовать. А я надеялась, что не так хорошо изучила Глеба, и он все-таки устанет ждать.

Изучила я его хорошо. Был первый час ночи, когда я собралась с духом, оделась и спустилась вниз. Родители не спали, сидели в гостиной и чего-то ждали.

— Мам, за Варей приглядывай, она тревожно спит, — предупредив, вышла во двор.

— Мне нужно было выйти и решить вопрос по-мужски, — не успела закрыться дверь, поэтому я слышала произнесенные отцом слова.

Хорошо, что не вышел. По-мужски бы не получились, слишком разные весовые категории. Глеб занимается спортом, постоянный тренер подстраивается под его расписание. Папа не помнит, когда последний раз брал в руки гантели или подтягивался на турнике. На словах собирается сбросить лишний вес и убрать живот, но пока что-то руки не доходят.

Я была против их ссоры. Глеб по щелчку может разорить отца, тогда в семье настанет финансовый кризис. Начнется кризис и в отношениях родителей. Мама сильнее любит папу, когда он больше зарабатывает и ей не приходится экономить.

Три внедорожника, стоящие у ворот, прогревали двигатели. Гул стоял на всю улицу. Так продолжаться дальше не могло.

Глеб вышел из машины, открыл переднюю пассажирскую дверь.

— Пройдемся, — мотнув головой, отказалась уединяться

с ним в салоне автомобиля.

Подняв воротник теплой куртки, он первым пошел по расчищенной дорожке. На улице очень холодно, без шапки в такую погоду по Новосибирску не гуляют. Долго мы не задержимся.

— Зачем ты здесь? — поравнявшись с ним, задаю прямой вопрос.

— У меня очень крупный проект в Новосибирске...

— Я не об этом спросила, — перебиваю его. — Зачем ты ищешь встречи со мной?

Засунув руки в карманы, он долго смотрит мне в глаза, не дает отвести взгляд.

— Хотел тебя увидеть, — прямо заявляет он. Между нами, как раньше, чувствуются вибрации. Это отдельный кайф — дышать с ним одним воздухом. До сих пор живы все воспоминания, связанные с нами, но я не позволяю себе поддаться романтическим иллюзиям.

— Увидел, мы даже можем сейчас спокойно поговорить, но на этом все. Больше никаких встреч, Глеб. Я не из тех женщин, кто водит дружбу с бывшими, все прощает и забывает. Да и не дружба тебе от меня нужна, — грустно улынувшись. — Только я себе любовника не ищу. Как бы хорошо мне ни было с тобой в постели, это все в прошлом. Туда я не вернусь, — выговариваю ровным холодным тоном. Глаза Тихомирова темнеют, сужаются, дергаются крылья носа.

Неприятно слушать? Не стоило приезжать. Ничего друго-

го я тебе сказать не могу.

— Оставим все, как есть. Я желаю тебе удачи с проектом, но видиться я с тобой больше не желаю...

Глава 8

Глеб

Знал ведь, что будет сложно. С Миладой по-другому и быть не могло. Готовиться к встрече смысла не было, как поведет себя Лада, все равно не предугадать. Хотя не сомневался, что радоваться она моему приходу не будет.

Я поступил с ней жестоко, оборвал нашу связь на пике эмоций, замарал память о «наших моментах». Осознанно пошел на этот шаг. Думал, получится забыть и жить по-прежнему. Нельзя было ее к себе привязывать. Тогда я не до конца понимал, насколько привязался сам, увяз в ней. Милада корнями проросла в мою душу, голову, сердце.

Парни сидят на морозе, не врубаются, что происходит, а я не объясняю. Кир, тот обо всем давно догадался, как только я сказал, что лечу в Новосибирск.

— Давно пора было, — буркнул он тогда себе под нос. Друг видел, что со мной творилось после того, как я отпустил свою женщину.

Я и сейчас не уверен, что поступаю разумно. Что смогу вернуть, а главное – удержать. Теперь я не питаю иллюзий, что ради меня Милада сможет отказаться от материнства. Рано или поздно она захочет иметь детей...

Смогу переступить через себя? Два года назад казалось, что нет. Теперь готов на многое...

Выходит из дома. Не верил. Готов был несколько суток простоять. В багажниках канистры с бензином, чтобы мы с ребятами тут не замерзли.

Потряхивает внутри, да так, что руки в карманы прячу, чтобы не заметила. Вот так, Тихомиров, просрал свое счастье, а теперь не знаешь, как его вернуть. Не помню, чтобы я когда-нибудь волновался при виде бабы. Милада и не баба. Девочка с душой мудрой женщины. Она стала еще красивее, если это вообще возможно. Просто я безумно по ней соскучился. Вот она, рядом, самая желанная, моя... а дотронуться не можешь. Возвращение этой девочки – самый сложный проект в моей жизни. С каждым мгновением понимаешь, что в шаге от краха. Злишься на себя. Только на себя.

Милада кажется легкой, открытой, спокойной, будто нет у нее ничего ко мне. Все умерло за эти месяцы. Раньше она и одевалась по-другому. Та Милада вряд ли вышла бы ко мне в свитере с оленем, смешной шапке с двумя помпонами...

Даже этот ее жест говорит о том, что Миладе все равно, как я на нее буду смотреть. А мне она любая заходит. Заходит так, что сердце сбоит. Вот такая домашняя и уютная она мне еще больше нравится. Руки жжет, как хочу ее схватить и в свое тело вмять, чтобы мною пропахла.

Чувствую себя там самым оленем у нее на принте. Только олень мог потерять любимую женщину! Знал ведь, что она для меня особенная, особенной и осталась.

Всего меня внутри исполосовала своими словами, заста-

вила захлебываться собственным бессилием. Молча рвутся жилы в мышцах, настолько я напряжен. Сердце качает кровь с перебоями. Даже тогда в гостинице, когда Милада заговорила о разводе, не было так фигово.

Блин! У меня внутри все выжигает от ее равнодушия.

— Если ты поняла, зачем я здесь, то смысла нет ходить кругами, — нахожу в себе силы говорить спокойно.

Меня всего разрывает. Я готов схватить ее, закинуть в машину, увезти далеко-далеко, держать рядом с собой, пока ее ледяное сердце не оттаяет, пока она меня не выслушает и не примет. Если б знал, что это подействует, так бы и поступил. Но Милада... это Милада! В какую сторону ее качнет, никто предсказать не возьмется.

— Я приехал к тебе. Проект всего лишь предлог, — делаю шаг к ней. Смотрит на меня испуганными большими глазами.

Да! Вот так! Делай выводы!

— Я не отступлю, Милада. Не уеду. Не отойду в сторону! Порву всех соперников, но верну тебя, — нависая над ней, шепчу в лицо. — Я пробовал жить без тебя два года, не получилось!

— А у меня получилось, Глеб, — ее спокойный тон меня просто выбешивает.

Лучше бы она кричала, била меня в грудь. Стоял бы и молча сносил удары, потому что заслужил. Но нет ничего хуже равнодушия... даже пуля в висок!

— Я разлюбила тебя. Отпустила.

Она смотрит мне в глаза, когда это произносит. Хочу видеть ложь, но не вижу!

Говорить сейчас что-то бесполезно. Нужно действовать.

— Я не отступлю. Даже если ты будешь прогонять. Возвращайся в дом, ты уже замерзла, — замечаю, как белеет кончик ее носа.

— Глеб, не нужно ничего предпринимать, я прошу тебя, — расстроено.

— Спокойной ночи, Милада. Скоро увидимся, — ничего не ответив, она уходит в дом.

Глава 9

Милада

Чувствую на спине его взгляд, ноги подгибаются, дрожат, спешу спрятаться за калиткой. Как же непросто дался мне этот разговор. Выдержать энергетику Тихомирова и ничем себя не выдать: не заплакать, не закричать от боли...

Ненавижу...

И люблю!

Кто-то скажет – это невозможно. Возможно! Я всегда понимала, что Тихомиров единственный мужчина, которого признало не только мое тело, но и сердце. Но любить его невыносимо! Любить его больно!

Закрываю калитку, не оглядываюсь. Все, теперь он меня не видит. Схожу с дорожки, потому что ноги не слушаются, будто пьяная. Утопая в снегу и спотыкаясь, плетусь до крыльца.

Стягиваю шапку и приваливаюсь к двери. Съезжаю на пол, потому что всю трясет. Вспотела, словно кросс бежала. Прячу лицо в коленях и пытаюсь не зареветь. Не хочу пугать родителей. Лучше в спальне проревусь в подушку, чтобы Варюшу не разбудить. Моя подушка столько видела и знает, ей доверяю больше, чем любому психологу.

— Милада, все в порядке? — спешит ко мне мама, присаживается на корточки, берет лицо в ладони, поднимает, за-

глядывает. Нет сил, чтобы спрятаться, утаить все, что разрывает изнутри.

— В порядке, — киваю в подтверждение своих слов. — Перенервничала просто.

— Он тебя обидел? — мама начинает злиться, хмурит брови.

— Нет, — мотнув головой. — Это все из-за внутреннего напряжения, — не хочу вдаваться в подробности. Отношения у нас наладились, но я все еще настороже. Возможно, мама меня поймет, как никто другой, но прошлой опыт наших взаимоотношений мешает открыться.

— Валерьянки дать?

— Пройдет. Папа где? — хочется сменить тему.

— К детям поднялся, — отмахивается мама, все еще злится на отца.

— Кто-то просыпался?

— Нет! Просто прогнала его, чтобы глаза не мозолил! Нашел кого в дом пригласить!

— Мам, они партнеры, — не заступаюсь за Глеба, но отца нужно прикрыть. Сама на него злюсь, но не хочу, чтобы между ними опять разлад начался.

Папа не терпит ссор, может остаться там, где тихо и спокойно, мама пойдет мстить, а это война. Друг другу не уступая, будут доводить всех в доме. В такой обстановке дети не должны находиться.

— Сложно отказывать тому, от кого зависишь, — продол-

жаю я. — Ты ведь сама это понимаешь, — дожимаю небольшой лестью.

— Мог бы предложить встретиться в ресторане, — не сдается мама, но вижу, что оттаивает.

— Тихомиров особо не спрашивал. Не сегодня, так в другой день заявился бы на порог, — не факт, что это был его последний визит.

Пусть бы приходил, искал встреч, я бы выдержала, но есть Варя. И вот на этом моменте меня накрывает чувство страха. Что он сделает, когда узнает? А он выяснит, если задержится в Новосибирске! Судя по его настрою, уезжать он в ближайшее время не собирается.

— Любишь его? — спрашивает мама, усаживаясь рядом со мной. Из-под двери тянет холодом, мы сейчас все себе застудим, но продолжаем сидеть.

— Не знаю, — не могу четко ответить на этот вопрос, потому что однозначного ответа нет.

Слишком много всего я испытываю к Глебу. За эти месяцы я успокоилась, научилась не думать о нем, хотя лицо Варюши всегда перед глазами. И вот он приехал, такую бурю в душе поднял, что все смешалось: прошлое и настоящее. Все чувства разом нахлынули. Сложно...

— Я хочу, чтобы он вернулся в Москву и оставил меня в покое, — совершенно искренне, потому что есть Варя. Ее интересы и счастье превыше наших чувств.

— Может, проверку ему устроить? Заплатить, чтобы за-

морозили проект, — предлагает мама. Робкая надежда даже голову не хочет поднимать.

— У нас нет средств тягаться с Тихомировым. Ты первая будешь страдать, если он разорит отца, а он может, если ему перейти дорогу, — я видела сегодня эту решимость в глазах Глеба.

Именно это меня напугало. Тихомиров не отступит, тайна рождения Вари, скорее всего, перестанет быть для него тайной. Остается только гадать, как он поступит.

— Пойдем к детям, пока не отморозили себе почки, — поднимаюсь на ноги, протягиваю руку маме. Стараюсь не обращать внимания на внутреннюю дрожь и слабость в ногах. Не отпустило.

Варя спит, а я ухожу в душ. Долго сижу под теплыми струями, стоять сил нет. Ложусь в кровать, тянусь за телефоном, чтобы включить какой-нибудь фильм и отвлечься, все равно не усну.

Сообщение с незнакомого номера в мессенджере. Так и тянет удалить, не открывая.

«Привет, подруга! Ты сбежала, сменила номер телефона и совсем меня забыла, но теперь я в Новосибе и не позволю тебя избегать! Говори: где и когда мы встретимся? Если не узнала, это Таня – помощница Глеба».

Удивлена, но, прислушиваясь к себе, могу точно сказать: я однозначно рада. Мало по кому я скучала, но Таня входит в этот узкий круг.

«Привет! Рада тебя слышать!»

Отправляю сообщение. Зная ее график работы, в это время она даже не думает ложиться спать.

«А я буду рада тебя увидеть», — приходит тут же ответ.

«Глеб дал мой номер телефона?» — стоит подумать о нем, сердце сжимается. Как много он обо мне знает? Справки собирал или с Ванькой общался?

«У Ваньки попросила перед поездкой. С Глебом о тебе опасно было разговаривать», — мне хочется уточнить, что все это значит, но запрещаю себе вовлекаться.

«Так когда мы увидимся?» — приходит от нее еще одно сообщение, пока я думаю, что ответить на предыдущее. Я хочу ее увидеть, хочу о многом поговорить. Выяснить, есть ли вероятность того, что Глеб вернется в Москву?

«Можем завтра после обеда», — Варю уложу спать, чтобы маме было легче, и сбегая, встречаюсь с подружкой. Часа два нам хватит пообщаться?

Раньше я не замечала, как бежит время, а сейчас каждая минута на счету. Весь распорядок дня крутится вокруг Вари.

«Тогда до завтра. Спокойной ночи».

Прощаюсь с Таней. С моей стороны было некрасиво уехать, не попрощавшись. Я тогда была настолько разбита, что могла думать только о себе и своей беременности. Мне хотелось скорее покинуть Москву, чтобы Глеб ни о чем не догадался. Тогда у меня получилось скрыть свою беременность, но теперь все намного сложнее...

**** *

Мама переживала, когда узнала, что я ухожу на встречу с помощницей Тихомирова. Она не сомневалась, что это он ее подговорил. Мама просто плохо знала Глеба, он не станет никого вмешивать. Если только Кирилла, но я хотела верить, что до этого не дойдет. Если начальник безопасности Тихомирова докопается до правды, не знаю, как все развернется. Выяснить, что Варя мне не сестра, а дочь, проще простого.

— Телефон взяла? — мама беспокоилась и плохо это скрывала.

— Мама, Таня не будет действовать против меня. Поверь, она не тот человек, — вспоминаю, как она встала на мою защиту, когда Тихомиров приревновал меня в клубе. Тогда между нами еще ничего не было, а ее в любой момент могли уволить. Но тогда едва не уволилась она сама. — Все будет хорошо, не переживай. Я ненадолго.

Подхожу и целую ее в щеку. Давно этого не делала, очень давно. Мама смущена и взволнована, я тоже. Руку к щеке прикладывает. Сложно выстраивать заново здоровые отношения. Мы словно забыли, как это делается, предпринимаем робкие попытки, но смущаемся.

Еду в центр на такси. Мы договорились встретиться в ресторане, Таня сама его выбрала, он находится недалеко от их нового офиса. Я немного сомневалась, не хотелось бы пересечься с Тихомировым, но все-таки приняла приглашение.

Он и так не собирается отставать.

Не опаздываю, подъезжаю вовремя. Вся парковка забита, поэтому водителю приходится проехать чуть вперед. Не страшно, мне нужно на другую сторону, а тут рядом пешеходная полоса. Расплачиваюсь с таксистом и спешу перебежать дорогу.

— Милада! — раздается голос Тани у меня за спиной. Вот так встреча, до ресторана не дотерпели. Разворачиваюсь и иду назад, ей до пешеходной полосы еще метров пятнадцать идти. Не успеет перебежать, на светофоре отсчитываются последние секунды.

Нога скользит на подмерзшем участке трассы, ноги разъезжаются, но мне каким-то чудом удастся устоять. Поднимаю голову, глядя на Таню, развожу руками. Она улыбается в ответ на мою улыбку, но вдруг хмурится. Я смотрю на светофор, у меня еще четыре секунды. Перевожу взгляд на дорогу. Внедорожник закружило на дороге, он несется прямо на меня.

В голове только одна мысль: я должна выжить! У меня Варя. Я не могу оставить ее сиротой. Моей девочке очень нужна мама, ведь у нее даже нет отца.

Удар! Меня отбрасывает в сторону. Я даже пытаюсь подняться, но кто-то удерживает меня, кричит, чтобы я не двигалась. Сквозь шум в голове я слышу Танин голос.

— Глеб!.. — крича и плача. — Глеб, Миладу только что машина сбила!

Глава 10

Милада

— Я хочу...

— Ничего не говори, — рядом сидит Таня и плачет, не позволяет мне подняться. — Сейчас, Милада... сейчас придет Глеб. Все будет хорошо, — уговаривает себя Таня.

Я чувствую холод, чувствую боль, а значит, не умираю. Так я думала, лежа на промерзшем асфальте, ждала, когда меня отсюда перенесут в теплое место. Казалось, не держи меня Таня и какой-то мужик, я смогла бы подняться.

До меня доносятся разговоры прохожих. Говорят о том, что мужчина, сбивший меня, протаранил витрину магазина, задев несколько автомобилей.

— Как хорошо, что больше никого не убил, — может наш народ поддержать в тяжелую минуту. Я тут как бы еще жива и умирать не собираюсь. У меня болела вся левая сторона. По затылку бежала кровь, замерзая ледяной коркой. Вокруг собирались люди, Таня, плача, умоляла меня не закрывать глаза.

— Мне больно смотреть на свет, — тихо и немного раздраженно, потому что шум и чужая паника пугали, а солнце слепило глаза.

— Отойдите! — этот голос я узнала бы из миллиона других.

Растолкав людей, Глеб оказался рядом. Сколько прошло минут, как ему позвонила Таня? Одна? Две?

В одной рубашке вылетел на мороз. Сумасшедший. Упал на колени, загораживая собой солнце. В глазах лишь на миг я успела уловить страх, но тут же он спрятал все эмоции. Почти спрятал. Зло посмотрел на Таню, будто это она была виновата в аварии, обратился ко мне:

— Милада, ты меня слышишь? — нежно берется теплыми руками за лицо, оглаживает щеки большими пальцами. Смотрит с нежностью, за натянутой на лицо маской я замечаю страх, но он старательно его прячет. Зато руки дрожат и явно не от холода. — Девочка моя, ты меня слышишь? — повторяет вопрос.

«Похоже, что я оглохла?» — вертелось на языке. Говорить я могла, но почему-то предпочитала молчать. Хотя кто-то же должен сохранять спокойствие в данной ситуации.

— Ее нельзя трогать, — встряла какая-то немолодая дамочка с полным пакетом продуктов в руках.

— Вы врач? — вскинув голову, уперся в нее злым взглядом. Я бы на ее месте поспешила ретироваться.

— Нет, — сохраняя достоинство, мотает головой. — Я много раз видела подобные сцены в кино, — заявляет она. Только мое шоковое состояние не позволяло мне улыбнуться и достойно откомментировать сей перл. Желваки на скулах Тихомирова заходили ходуном.

— Шли бы вы... кино смотреть, — цедит сквозь зубы. — Кирилл, дай свое пальто, — командует Тихомиров. Думала, замерз, а он меня укутывает. Мне бы это пальто вниз подстелить, сверху мне не так холодно. Кто-то из охраны протягивает свою куртку Глебу, а он укрывает ею мои ноги.

— Где скорая? Ждут, когда она тут окоченеет от холода? — понимая мое состояние, Глеб злился. Пытался под спину аккуратно просунуть ткань, но в спор опять вступила дамочка с авоськой.

— Ее нельзя шевелить, — Тихомиров ее одним взглядом послал досматривать фильм.

— Милада, скорая едет! Все будет хорошо, — причитает Танюша, утирая слезы рукавом пуховика. — Ты обязательно поправишься...

— Таня, просто заткнись, — перебивает поток ее слов Глеб.

Какой хороший совет! За него я Глеба готова была поблагодарить, но говорить мне не давали.

— Разойдитесь...

— Пропустите врачей...

— Ну что вы все здесь столпились? — разгоняла зевак Таня.

— Милада, ничего не бойся, я буду рядом, — в такие минуты люди, наверное, перед страхом смерти признаются в своих грехах, раскрывают страшные секреты... и признаются в том, что родили ребенка.

Вот он – момент. Глеб рядом, прячет страх и говорит, что со мной все будет хорошо. Он меня никогда не оставит. Надо признаться, что у него есть дочь, а потом...

Никаких потом. Сейчас меня отвезут, сделают снимок, скажут, что все в порядке, наложат пару швов на затылок и отправят долечиваться домой. Глебу я ничего рассказывать не собираюсь, как и умирать...

Глава 11

Глеб

Услышав в трубке испуганный голос Тани, я не сразу разобрал ее слова. А потом меня накрыло таким страхом, что тело отказывалось слушать.

Как Милада оказалась в центре города? Почему Таня была рядом в тот момент? Хотелось бы, чтобы моя помощница ошиблась, но по истерике в трубке телефона сразу было понятно: шанса нет.

Я летел как одержимый, боялся не успеть. Авария когда-то уже отняла у меня самое дорогое! Только не Миладу! Я не могу ее потерять. Не могу!

Милада лежала на асфальте в луже крови. Я не позволю ей уйти! Если бы можно было обменять свою жизнь на ее, сделал бы это, не задумываясь.

В тот момент моя кровь в венах стала леденеть. Захлебываясь внутри от паники, заставлял свое сердце биться, потому что нужен был ей. Сложно прятать страх, когда он выжирает тебе нутро. Такая худенькая и бледная, она тихо дрожала на ледяном асфальте, холодный ветер обдувал белое лицо. Кровь замерзала на дороге, а я не мог ее согреть. Та вредная тетка была права, трогать и беспокоить Ладу нельзя.

Где эта долбаная скорая?! Я даже не слышал звук сирены, когда они подъехали. Стоя на коленях, я разговаривал с лю-

бимой женщиной, умолял ее не засыпать, сильная девочка лишь упрямо смотрела мне в глаза.

Зеваки не спешили расходиться. Я стоял за спинами врачей, не мешал, но делал все, чтобы она меня видела, пусть это никак и не помогало. Кто-то из ребят накинул мне пальто на плечи, принесли из офиса. Не чувствовал холода, и пальто мне было не нужно. Скорее бы они уже Миладу положили на носилки и подняли в теплую машину.

Хотелось гаркнуть и разогнать всех. Я видел, что Милада тихо отвечает врачам на вопросы, но из-за шума толпы слов было не разобрать. Пусть это будет хорошим знаком.

— Я еду с ней, — обращаюсь к медикам, как только мы Миладу закатываем в автомобиль.

— Кто вы ей? — оборачиваясь, интересуется немолодой врач низкого роста.

— Муж, — не задумываясь.

— Если на машине, то поезжайте за нами, — ребята из охраны, услышав ответ медика, тут же бросились к автомобилям.

— Я еду с вами, — на заднее сиденье без разрешения плюхнулась Таня.

Я о помощнице как-то забыл совсем. Ладно, пусть едет. Понимая мое состояние, она всю дорогу молчала. Сейчас мне нужна была тишина и Милада. Я хотел быть рядом.

Полчаса казались вечностью. Мне нужно было видеть Миладу, знать, что она дышит.

— Вы собирались встретиться? — обращаюсь к всхлипывающей Тане.

— Да. Милада уже почти перешла дорогу, но я окликнула, а она зачем-то стала возвращаться. Она не видела, что машину занесло...

Дальше я не хотел слушать. Закрыв глаза, растер воспаленные глаза. Лишь бы с ней все было в порядке. Еще одна авария не заберет у меня самого дорогого человека...

Сердце жгло в груди, страх не думал отступать. Мы с Таней сидели в коридоре и ждали, что нам скажут врачи.

— Почему не сказала, что идешь обедать с Миладой? — головой понимал, что Таня ни в чем не виновата, но все равно злился на нее, будто, расскажи она мне о встрече, аварии удалось бы избежать.

Я ведь сам решил дать Миладе несколько дней. Не напоминать о себе. Пусть успокоится, свыкнется с мыслью, что я рядом...

— Ты сам не хотел о ней ничего слышать, — недовольно бурчит под нос. — Запрещал упоминать ее имя.

Запрещал. Потому что и без напоминаний с ума сходил.

— Надо, наверное, ее родителям позвонить, — не дождавшись от меня ответа, произнесла Таня.

Позвонить надо было сразу. Пусть Степан во всем и обвинит меня, но родители должны знать, что с их ребенком.

— Дождемся результатов и позвоним, — ничего в жизни я так не желал, как здоровья Миладе.

Вскочив на ноги, я подошел к врачу, он по коридору направлялся в нашу сторону.

— Вы муж? — уточняет он.

— Да, — я сам себя лишил этого звания, но собираюсь окольцевать свою женщину обратно. Больше я ее не отпущу.

— У нее сотрясение, перелом голени, множественные ушибы и гематомы. Внутренние органы не пострадали. Какое-то время ей придется побыть в больнице.

— Ее жизни ничего не угрожает? — стараюсь не выдать голосом свое состояние.

— Нет, — мотнув головой. — Но она не хочет оставаться в больнице, говорит, что должна быть дома, у нее маленький ребенок, — строго сообщает мне доктор, будто я могу согласиться с решением Милады.

— Она останется в больнице столько, сколько нужно, — безапелляционно, ее здоровье важнее всего. Позвоню Степану, пусть решают вопрос без Милады, повесили на нее своих детей...

Глава 12

Милада

— Глеб сейчас разговаривал со мной, — понижая голос, шептала мама. — Прекрати беспокоиться о Варе, если не хочешь, чтобы он обо всем догадался, — мама, как только узнала об аварии, готова была броситься сюда, но отец был на работе. Сначала он приехал убедиться, что я не сильно пострадала. Потом приехала навестить мама, оставив на него детей.

— А что случилось? — забеспокоилась, потому что в расстроенных чувствах попросила доктора отпустить меня домой к ребенку, забыв, что Тихомиров где-то рядом.

— Глеб думает, что мы на тебя повесили воспитание брата и сестры, — недовольно поджимая губы.

Конечно, маме неприятно было такое слышать. Родители намного больше и чаще помогали мне с Варей. Мама компенсировала свой материнский инстинкт на Борьке. Меня она не прочувствовала – то ли в силу возраста, то ли из-за обид на отца. Позднее второе материнство дало ей шанс себя реализовать.

— Мам, не проговоритесь, пожалуйста, — поправляя одеяло, оно скатилось куда-то вниз. Даже такое простое действие вызвало острую боль в боку.

— Не проговоримся, — отмахнулась мама.

Мне бы самой не проболтаться и ничем себя не выдать.

От одной этой мысли становилось страшно. Мне не нужна забота Глеба, я бы предпочла, чтобы он вернулся в Москву.

Но Тихомиров, видимо, решил поселиться в Новосибирске, а сейчас и вовсе не собирался покидать клинику. Глеб озаботился отдельной палатой. Он вообще вел себя так, словно готов купить больницу и весь персонал. Его люди привезли ему сменную одежду, переодевался он в палате, думая, что я сплю. Воочию убедилась, что тренировки он не бросал. За прошедшие месяцы не оброс жирком. Стал чуть шире в плечах, живот до сих пор подтянутый, а бедра узкие.

— Может, полицию вызвать, чтобы его отсюда выставили? — пробурчала мама, когда сквозь открытую дверь донесся голос Тихомирова.

— Это не поможет, — его связи позволяют открывать любую дверь не только в Москве. Я не знала, как буду чувствовать себя, находясь постоянно рядом с ним.

Обойдусь без его ухода. О чем уже несколько раз ему сообщила, но разве Тихомиров кого-то слушает? Он не сидел возле меня, видел, что мне это не нравится, но все равно был где-то поблизости.

С моей подачи персоналу стало известно, что Глеб мой бывший муж, но они все равно вели себя так, будто мы до сих пор состоим в браке, отчитывались ему о каждом шаге.

В палату вошла медсестра со шприцом в лотке. Мама, попрощавшись и пообещав завтра меня навестить, поспешила вернуться к детям.

Лежа на больничной койке, я думала лишь о том, что хочу попасть домой к Варюше. Мама не справится одна с двумя малышами. С другой стороны, к двум малышам добавляюсь я — вряд ли в таком состоянии я смогу что-то делать.

Глеб вошел в палату, я тут же закрыла глаза. Не хочу с ним разговаривать. Лучше притвориться спящей. Украдкой я наблюдала, как он разложил на небольшом стеклянном столике два ноутбука, вытащил из сумки несколько папок, положив их рядом с собой на диване.

Он еще тут офис решил устроить!

— Милада, тебе не нужно притворяться, я знаю, что ты не спишь. Можешь не разговаривать со мной, но я буду рядом, — поднимая на меня взгляд.

— Я не хочу с тобой общаться, потому что ты меня не слышишь, Глеб, — открывая глаза. — Я давно не твоя жена, заботиться обо мне не надо, — стараюсь добавить в голос побольше льда, хотя знаю, что это не подействует. Глеб ничего не отвечает, возвращается к прерванному занятию. Глубоко вздыхая, закрываю глаза, отвернуться и лечь на бок мне все равно не суждено.

— Я жалею, что тогда так поступил, — перестав печатать, произносит он, глядя перед собой. — Каждый день жалею о том, что тебя отпустил, — его слова находят отклик в моем сердце, делается очень больно в груди. Я ждала этих слов в первые дни после ссоры. Я ждала их, когда сбегала беременной от него. Я ждала их даже тогда, когда рожала Варюшу,

но сейчас я не хочу этого слышать. — Я бы многое отдал, чтобы вернуть то время и поступить по-другому.

— Молчи, Глеб. Просто молчи, — горло сдавливают спазмом, но я из последних сил стараюсь говорить ровно, показать лишь усталость и равнодушие. — Я не стану возвращаться в прошлое и тебе советую его отпустить.

Глеб встает из-за стола и подходит к кровати. Нависает надо мной, давит своей энергетикой. Он не привык слышать отказы.

— Я не прошу тебя вернуться в прошлое, Лада, я прошу тебе дать мне шанс выстроить совместное будущее. Ты не пожалеешь, моя девочка, — понижая голос до глубокой хрипотцы, демонстрируя все оттенки своих переживаний.

Ненавижу его за это! Ненавижу!

— Я не твоя девочка, Тихомиров! — не получается демонстрировать равнодушие, он слишком глубоко копнул. Разозлил. — Ты остался здесь, чтобы донимать меня своими воспоминаниями? Тебе не кажется это эгоистичным? — я была не права, потому что за это время он сделал многое: организовал отдельную палату с хорошими условиями, кровать с новым матрасом, договорился, чтобы мне кололи только самые лучшие препараты, которые привозили после его звонков. Я практически не чувствовала боли, но я не хотела говорить о прошлом, о нас, о чувствах. Ничего этого нет. Он все убил! — Я свои воспоминания давно стерла. Тебе советую сделать то же самое, — сумев взять себя немного в руки.

— Даже не мечтай, Милада. Ты лучшее, что есть в моей жизни...

Глава 13

Милада

— Что между вами происходит? — чуть наклонившись вперед, спросила Таня. Несмотря на то, что Глеб свалил на нее всю работу, она находила время приезжать каждый день в больницу.

Тихомиров впервые оставил нас одних, обычно он с порога заваливал ее новыми поручениями, параллельно просматривая кучу бумаг, которые ему привозила на подпись помощница. На мои просьбы ехать в офис и там работать Тихомиров не реагировал. Успокаивало только одно: что через несколько дней меня выпишут.

Буду отлеживаться дома рядом со своей малышкой. Из-за Глеба я даже не могла увидеть дочь вживую, родители ни за что не привезут ее сюда, а редких видеозвонков было катастрофически мало, потому что приходилось молчать и прятать эмоции. Варюша капризничала, плохо ела и спала. Скучала по маме.

— Таня, что между нами может происходить? Ты же была свидетельницей нашего разрыва. Видела, как мы жили последние месяцы, — непросто было об этом вспоминать. Как всегда в такие моменты, в горле рос ком.

— Мы пытались сказать, что он дурак, что будет жалеть о разрыве, но разве Глеб кого-то слушает? Запретил даже

имя твое произносить, будто это могло вытравить тебя из его сердца. Загонял себя на работе до такой степени, что чуть в больницу не попал. Он еще везунчик, жил на одном кофе и не заработал серьезных проблем со здоровьем, — мне не хотелось этого слушать, не хотелось проникаться к Глебу жалостью. Я напоминала себе, что у меня есть Варя, а он мне больше не нужен. Но Тане хотелось выговориться, она не первый день эту информацию варит в себе, теперь пришло время поделиться со мной. — Знаешь, сколько раз Кир хотел без его разрешения поехать и уговорить тебя вернуться? — качая головой. — Раз сто, не меньше, но так и не решился.

Хорошо, что не решился. Тогда он узнал бы о Варе. Пусть ее рождение остается тайной.

— Ты знаешь, я ненавидела его, когда он так поступил, два раза пробовала уволиться, не отпустил, еще и зарплату повысил. Относиться стал лучше.

— Тань, зачем ты мне это рассказываешь? — протянув руку, я сжала ее пальцы.

— Наверное, я хочу, чтобы вы помирились, — не стала она лукавить, за что я была ей благодарна. Я была уверена, что о нашем разговоре Глеб не узнает, но делиться своими тайнами не собиралась.

— Это невозможно, Таня, — отводя взгляд к окну.

— У тебя кто-то есть?

— Дело не в этом. Глеб в прошлом, я не вернусь к нему, — сухо и без эмоций.

— А я верила, — когда Таня произносила эту фразу, мы с Глебом смотрели друг на друга, он бесшумно вернулся и теперь стоял в дверях.

Он слышал мои слова, но никак не отреагировал. Точнее, не показал, хотя я понимала, что сделала ему больно. Я не мстила ему за свою боль, я просто делала все, чтобы отдалить его от нас с Варей. Моей дочери не нужен отец, который ее не хочет, который не пожелал иметь от меня ребенка.

А ведь я столько недель умоляла его отпустить прошлое, простить себя и дать шанс полюбить другого ребенка.

— Нет, — категорически отвечал Глеб, настроение его тут же портилось. — У меня не будет детей, — уходил и запирался в кабинете.

Если на минуту предположить, что он сейчас примет Варю, я смогу с ним быть? Смогу идти вперед, не оглядываясь в прошлое? Только в случае, что смогу его искренне простить и отпустить эту ситуацию. Если хоть капля обиды останется во мне, мы вновь все разрушим. Только теперь может пострадать Варя. Поэтому лучше оставить все, как есть.

— Таня, тебе пора возвращаться в офис, — скрывая напряжение, произнес Глеб, отходя к окну. Я знала его достаточно хорошо, чтобы понять: он прячет свои чувства.

— Глеб, тебе лучше уехать с Таней и заняться своим проектом, — как можно тверже. — Я справлюсь сама, — до туалета я уже могу сама добраться с помощью костылей. Главное, чтобы действовал обезболивающий укол.

— Я остаюсь, — непреклонным тоном. Заметив, что разгорается спор, Таня поцеловала меня в щеку, быстро попрощалась и выпорхнула в открытую дверь.

— Сколько времени ты еще будешь мучить себя и меня?

— Я не верю, что ты меня забыла, Милада, — двинувшись в мою сторону, он задел штору, солнечные лучи проникли сквозь стекло и ослепили на миг. — Я могу доказать, что чувства в тебе не умерли, — он оказался рядом, нависнув очень низко надо мной. Так низко, что мы делили на двоих дыхание друг друга. — Но не буду этого делать. Я хочу получить не только твое тело, но и твою душу. Буду ждать, сколько потребуется.

Чем мог закончиться наш разговор, сложно предугадать. Звонок моего мобильного вынудил Глеба отойти. Повернув к себе дисплей, я заулыбалась, будто не было только что тяжелого разговора.

Ванька...

Глава 14

Милада

— Почему я только сегодня узнал, что ты в больнице? — звучит строго на мое приветствие. Ванька такой Ванька. Я вообще его беспокоить не хотела и Глеба просила молчать.

Мой возмущенный взгляд Тихомиров поймал, но никак не отреагировал. Он ведь всегда знает, как будет лучше!

— Зачем бы я тебе говорила, Вань? Тем более, ты же уже знаешь, что я отделалась легким испугом, — стараюсь дать почувствовать в голосе улыбку, зачем его зря было беспокоить?

— Это ты называешь легким испугом? — перечисляя все мои болячки. — Надо было сказать, Милада. Я могу прилететь и побыть твоей сиделкой, — предложение греет и одновременно пугает.

Конечно, я соскучилась по Ваньке. Все самые теплые воспоминания из той жизни связаны с ним. Недостаточно мне видеть его в экране телефона. Я бы, как раньше, прижалась к нему, свернувшись калачиком, и проболтала с ним всю ночь. Но это, к сожалению, невозможно, я не хочу, чтобы Глеб узнал о Варе. В этом вопросе у меня нет гарантии, что Ваня не будет настаивать на признании.

— У меня уже есть одна, — не пытаюсь даже скрыть недовольство.

Глеб сидит на своем диване и не сводит с меня взгляда. Он всегда собран, словно находится в офисе, а не в палате. Ни на минуту не расслабляется. Каждое утро ему подвозят чистую одежду. После душа – чистая рубашка, костюм.

В коридоре что-то происходит. Топот ног, крики. Я отвлекаюсь от разговора, а Тихомиров спешит выяснить, что случилось.

— Судя по твоему тону, ты не очень рада присутствию Глеба рядом с собой, — фоном звучит в голове, а я дожидаюсь, когда вернется Глеб.

Он недолго разговаривает с охраной, возвращается и сообщает:

— Целую семью после аварии привезли.

Невозможно оставаться равнодушной к чужому горю, мысленно обращаюсь к богу, чтобы все выжили и поправились.

— Милада, ты еще здесь? — спрашивает Ванька.

— Да, да, здесь, — вспоминаю быстро, о чем мы говорили.

— Совсем не рада, Вань.

— Мне прилететь? — из голоса пропадает серьезность.

— Зачем, Вань? Через пару дней меня выпишут, буду долечиваться дома.

— Ты стала слишком самостоятельной, совсем забыла, что у тебя есть старший брат, — ворчит по-доброму, в голосе слышится улыбка.

Помнит...

Глеб, вернувшись на «свой» диван, продолжает наблюдать. Я старательно не смотрю в его сторону, но стоит встретиться взглядами, улавливаю в глазах боль. И это задевает, раздирает душу на ошметки! Это ему больно? Ему?!

Мы еще немного общаемся с Ванькой. В конце он заверяет, что прилетит к нам в гости после Нового года. И опять в груди эта двойственность чувств: радость и страх.

— Ты зря все это затеял, Глеб, — как только прощаюсь с Ванькой и откладываю в сторону телефон. — Не нужно пытаться меня вернуть, я не хочу быть с тобой, — понимаю, что этот разговор – очередное хождение по кругу, мы только делаем друг другу больно, но так больше продолжаться не может. Пришло время высказать все, что кипит внутри. Все, что тогда я ему не сказала.

Глеб молчит, складывает на коленях руки в замок и смотрит холодно. Его жесты говорят, что он не согласен со мной и не уступит. Я удобнее устраиваюсь на кровати, подтягиваюсь к спинке кровати.

— Я не смогу простить измену, Глеб, — мой голос звучит спокойно, но внутри я захлебываюсь кровью и болью. — Ты растоптал мои чувства. Унизил при своей любовнице. Лучше бы убил, — останавливаю себя, потому что голос начинает дрожать, я не хочу показывать, что мне больно до сих пор. Нельзя забыть единственного мужчину, которого безумно любила. — В том номере я признавалась тебе в любви, — взяв эмоции под контроль, продолжаю выговаривать уже

спокойно.

Хотя до сих пор обидно за ту влюбленную до сумасшествия восемнадцатилетнюю девочку, которая верила каждому его признанию. Обидно за ту девочку, которая до сих пор помнит каждую ночь с ним...

— «Это наш номер, сюда я приводил только тебя» — ты сам это говорил, Глеб. Получается, врал, — продолжаю выговаривать, пока он молчит и слушает. — Ты разбил коллекцию моих прекрасных воспоминаний, когда привел туда Алену... — та ночь слишком ярко отложилась в моих воспоминаниях. Они до сих пор словно живые.

— Между нами ничего не было, — сухо произносит он, не думая оправдываться. Но мои слова задевают его за живое. Глеб напряжен, на виске дергается венка.

— Только потому, что я появилась так не вовремя...

Глава 15

Милада

— Я знал, что ты придешь, Милада. Думаешь, поговорив с тобой, охрана тут же не отчиталась мне? — поднимается с дивана, пододвигает стул и садится рядом.

Время не властно над моими чувствами, не получается оставаться к нему равнодушной, но я упорно держу на лице маску безразличия.

— Я ничего не думаю, Глеб. Даже если ты сейчас начнешь уверять, что все это сделал специально...

— Я ничего не делал специально, — перебивает меня зло. — Я тебе пацан какой-то? — проводит по коротко стриженным волосам пятерней, будто не знает, куда деть руки. Нервничает. — Мы сидели с Кириллом, поминали Антона с Соней. Я даже не понял, когда он позвонил очередной своей бабе и позвал ее с подругами к нам. Наверное, в тот момент, когда я общался с охранником. Я был в уборной, потом принял душ. Ты появилась через минуту после того, как я поднялся на крышу. Я как раз объяснял Алене, что ей стоит одеться и покинуть номер вместе со своими подругами. Ты не поговорила со мной, не выяснила ничего, но зато сразу потребовала развод, — воспоминания Тихомирова были живы, как и мои.

Я окунулась в тот день, как в прорубь с ледяной волной. Если бы вернуть тот день назад, я бы поступила так же. На-

ше расставание подарило мне Варюшу. Я до сих пор корю себя, что выпила тогда таблетку, и как же хорошо, что она не подействовала.

— Давай не будем вспоминать прошлое. Мы развелись, Глеб, по обоюдному желанию. Не помню, чтобы ты был против, — сползая вниз по подушке, кусала внутреннюю сторону щеки, чтобы не застонать от боли. Я хотела скорее выписаться отсюда, поэтому приходилось храбриться и делать вид, что пострадавший бок почти не болит.

— Тогда я посчитал, что будет правильным отпустить тебя, — сжимая перед собой руки в кулаки. — Я видел, как ты смотрела на детей моих партнеров, какой радостной возвращалась со всех благотворительных мероприятий, где были дети. Я не имел права держать тебя возле себя, зная, что никогда не смогу дать тебе этого, — с надрывом в голосе, хоть и не повышал тона. От его взгляда внутри все органы закручивались в тугие клубки.

— А что изменилось сейчас, Глеб? Ты себя простил? Отпустил прошлое? — несмотря на боль, я сажусь в кровати. — Я тебе много раз говорила: ты не виноват в смерти своего сына, — я называла Артемку сыном Глеба, хотя это было не так. Я могла понять боль Тихомирова, могла понять, за что он себя не может простить. Глеб, как всегда, за всех все решил и не учел чувства маленького мальчика.

— Я виноват в том, что оставил его, когда он во мне нуждался. Я предал его... — Глеб поднялся и отошел к окну, как

всегда, закрылся, переживая в одиночестве боль потери.

Некрасивая история прошлого, где оба взрослых повели себя недостаточно зрело. Тихомиров не собирался жениться на девушке, которая объявила, что беременна от него. Дал денег на аборт, но Юля делать аборт не стала, пришла и обо всем рассказала матери Глеба, которая на тот момент уже знала о том, что тяжело больна. Мама настояла, чтобы сын женился, а внук родился. Насколько я поняла, жили они плохо. Глеб все время работал, раскручивая свой бизнес, с женой практически не общался, но сына очень сильно любил. Забирал его с собой, проводил с ним все выходные. Когда Артемке было четыре, Юля загуляла. Глеб на это внимания особо не обратил, он сам не был святым, жену не любил, гулял от нее. А потом Юля собрала вещи и ушла вместе с Артемкой к другому. Тихомирову было плевать на жену, а вот сына отдавать не собирался. На тот момент он уже крепко стоял на ногах. Судебное дело должен был выиграть, но Юля вытащила козырь из рукава – сделала анализ ДНК. До последнего тянула, надеясь получать от Тихомирова алименты. Артем не был ему сыном, он был сыном ее мужчины, с которым она рассталась несколько лет назад, но потом они помирились. Глеб перепроверил в нескольких клиниках, сомнений не оставалось: Тихомиров мальчику никто.

Глеб вычеркнул бывшую жену и сына из своей жизни. Не интересовался ими, погрузившись полностью в работу, так ему было легче. Артемка не понимал, почему у него новый

папа. Он хотел к Глебу. За капризами и истериками не сразу заметили, что у ребенка пропадал аппетит, потом его стало тошнить...

Юля пыталась связаться с Глебом, потому что Артему нужно было дорогостоящее лечение, но Тихомиров спрятался в раковину, а потом было поздно...

Вся семья разбилась в тот день, когда Артема везли в больницу. Только потом Тихомиров узнал, что все это время мальчик звал Глеба, просил его отвезти к папе...

Глава 16

Милада

Уперевшись локтем в оконную раму, Глеб молчал. Я могла понять его боль, даже подумать страшно, случись что-нибудь с Варей. Не хотелось беречь его старые раны, но он мои незажившие вскрывает, не щадит.

— Глеб, ты говорил, что отпустил меня, потому что видел, как я тянусь к детям? Что изменилось сейчас? Ты решил создать полноценную семью? Достаточно себя наказал и можешь двигаться дальше? — обращалась к его напряженной спине.

Судя по тому, как напряглись его плечи, Тихомиров до сих пор считает, что не имеет права становиться родителем. Не имеет права любить другого ребенка.

— Или ты думаешь, в угоду тебе я откажусь от материнства? Два года назад я пошла на этот шаг, потому что очень сильно любила тебя. А теперь от тех чувств остался лишь пепел, — я вижу, как его рука сжимается в кулак до побелевших костяшек пальцев, но если я начала вскрывать этот нарыв, то нужно идти до конца. — Теперь я повзрослела, многое переоценила для себя. Я обязательно стану мамой. Рядом со мной будет мужчина, который будет мечтать о большой семье, который будет хотеть от меня детей. Который будет видеть в них наше продолжение, но самое главное – он будет

любить их, не смотреть на них с чувством вины.

— Милада!.. — в его голосе смешались ярость и боль.

— Что, Глеб? Ты говоришь, что любишь меня? Что хочешь вернуть? Допустим, только допустим, что мы сошлись. Я хочу знать, как ты отнесешься к тому, что я забеременею? Конечно, шанс невелик, ты же маниакально предохраняешься, но если верить твоей любовнице, были сбои — как минимум два раза. Что ты сделаешь, Глеб? Скажешь «выпей таблетку»? Или отправишь на аборт? Или, как вариант, предложишь родить от другого? — Глеб подлетел ко мне с перекошенным от злости лицом. Пробила все-таки броню.

— Не смей... — ведет головой, руки сжаты в кулаки. Готов сомкнуть их на моей шее. Собственником так и остался.

— Если родишь, то от меня, — сквозь сжатые зубы.

— А ты от ребенка шарахаться не будешь? — зло усмежаясь. Свежо воспоминание, как он игнорировал присутствие Вари и Бори.

— Я не знаю, Лада, как будет! — на это замечание я не скривилась и даже маску удерживать не стала. Бабам Тихомиров никогда не врал и мне не стал. — Что ты от меня хочешь? Обещаний? Я готов, только скажи!

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, — устало. Других желаний нет. Я не собираюсь играть с ним в семью. В первую очередь я не уверена в нем как в отце своей дочери. Не хочу, чтобы она столкнулась с безразличием отца. Ребенку нужно не только внимание и забота, но еще и любовь: ис-

кренная, открытая. С улыбками и смехом.

Тихомиров молча развернулся и вышел из палаты, оставив в воздухе запах парфюма, энергетику злости и боли. Прикрыв глаза, старалась выровнять дыхание. Каждый вздох отдавался болью в сердце. Нельзя так. Мы оба сторим или серьезно заболеем, а у меня Варюша...

Я не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыла глаза и посмотрела в окно, на город опускался вечер, в коридоре горели лампы. Дверь в палату была чуть приоткрыта, а на диване сидел папа, работая в планшете.

Здесь больше не пахло Глебом. На спинке стула не висел его костюм, на столике не было документов и ноутбуков. Сам забрал или охрана входила в палату?

Отчего же так больно? Сама ведь просила оставить меня в покое. Плакать при ком-то я не умела. Только при Ваньке, но он сейчас так далеко...

— Проснулась? — оторвался от планшета папа.

— Угу, — мне не хотелось говорить, внутри я рыдала и кричала, будто вновь переживала боль нашего расставания. Как бы я ни уговаривала себя, что это к лучшему, мое сердце не слушалось. Оно любило Глеба той самой любовью, которая хуже зависимости.

Я ведь пробовала быть с Бертом. И в постель с ним легла...

Не вернись родители раньше времени с прогулки, я бы молча дотерпела, не испытывая и тени того удовольствия,

которое мне дарил Глеб. Наверное, есть женщины, которым не важна постель, главное, чтобы любил, заботился, деньги в дом приносил, не обижал.

Для меня, как оказалось, важна. Я не могу отключить голову с другими, не получается раствориться в партнере и в тех ощущениях, что он дарит. С Бертом я словно наблюдала за нашей близостью со стороны и выставляла баллы. Я помню свои руки на его плечах. Мне не хотелось царапать ему спину, я хотела оттолкнуть его и попросить прекратить, потому что мне не вставляет. А ведь он старался. Долго ласкал, целовал...

А Тихомирову хватало взгляда, чтобы я поплыла. И до сих пор мое тело с легкостью откликается на его голос, взгляд...

Любить его невозможно, но и без него так тяжело...

Глава 17

Милада

После того, как я вернулась домой из больницы, Варя меньше стала капризничать. Она так радовалась, когда меня увидела, а я, несмотря на боль, схватила ее на руки и не могла оторвать от себя. Всю зацеловала. Мама шутила:

— Боится, что мама опять сбежит, поэтому ведет себя хорошо.

На самом деле у Вари прорезались зубки, вернулась моя милая улыбчивая малышка. Глеб не появлялся, мы старались о нем не говорить, но Тихомиров незримо присутствовал в моей жизни. Я постоянно думала о нем, чувства, которые за два года удалось притупить в себе, сейчас ярким огнем горели в груди. И только страх пережить еще раз боль предательства отрезвлял.

Он не приезжал и ни разу не позвонил, но в моей спальне стояло несколько больших букетов. Их доставляли курьеры, ни открытки, ни подписи, но я знала, что они о Глеба. Варя добиралась до бутонов, истязала их и пыталась съесть. Ей нравилось обрывать разноцветные лепестки.

Варя уснула в манеже вместе с игрушками, я не стала перекладывать ее в кроватку. Убрала игрушки и укрыла одеялом.

По лестнице я уже уверенно прыгала, синяки на теле пере-

стали гореть темно-фиолетовым оттенком, теперь они растеклись желтовато-зелеными лужицами. Мама ждала на кухне, чтобы вместе пообедать.

— Тебе суп или пюре с салатом? — оборачиваясь, когда я допрыгала до двери.

— Пюре... — звонок в дверь не дал договорить.

— Опять подарки от твоего, — раздраженно произнесла родительница. — Сладости и фрукты уже складывать некуда.

Впервые мне захотелось защитить Глеба. Это чувство внезапно обожгло нутро. Я всегда старалась быть справедливой, и ничего больше.

— Мам, папа почти каждый день забирает с собой пакет на работу. Теперь клиентам предлагают не только дешевые кофе и чай.

— Я открою, — мама не стала развивать тему. Она поспешила к калитке впустить курьера, я попрыгала к двери, чтобы расписаться в бланке доставки.

Впустив в дом морозный воздух, застыла на пороге. Делегация из курьеров направлялась в мою сторону. У одного в руках корзина с цветами, у другого две коробки.

Надеюсь, там не фрукты и сладости...

— Будем смотреть? — спрашивает мама, кивнув на коробки.

— Угу, — стараюсь держать лицо и не показывать, как меня заинтересовал небольшой конверт в букете, который был почти незаметен среди бутонов розово-белых роз.

Забыв про остывающий обед, присели на диван и подтянули к себе коробки. Внутри оказались мягкие детские кресла-качалки – в виде темно-синего ослика для Борьки и розово-бежевого зайца для Варюши.

— Тут и ремни есть, чтобы детей пристегнуть, — мама внимательно рассматривала подарки.

Мне кресла очень понравились, видно, что сделаны из качественных материалов, все продумано до мелочей, но я не спешила высказывать свое мнение.

— Хоть что-то нормальное прислал. Мелким понравится, — улыбнулась мама, а я расслабилась.

— Должны понравиться, — как можно более равнодушным тоном.

Я не привыкла делиться с родителями своими чувствами и переживаниями, как бы ни пыталась открыться, прятаться было привычнее и комфортнее. Вряд ли этот барьер когда-нибудь удастся с ними переступить.

— Выкину пока коробки и пленку, а ты иди на кухню.

Как только мама вышла, я схватила конверт и сунула его в карман. Скрывая волнение, я разговаривала с мамой на отвлеченные темы. Они с папой планировали съездить куда-нибудь, отдохнуть всем вместе. Неплохая идея, но с малышами тот еще отдых.

— Как только мне снимут гипс, вы поезжайте, а я останусь с мелкими.

— Нет, Лада. Об этом не может быть и речи. Вас мы не

оставим...

Я пыталась ее переубедить, но у мамы слишком свежи воспоминания, что я совсем недавно чуть не погибла.

Убрав со стола, мама принялась мыть посуду, а я чувствовала себя бесполезной. Хорошо хоть с Варей справлялась почти самостоятельно.

— Ты иди полежи, весь день на ногах. Врач ведь предупреждал, чтобы ты не переутомлялась, — мама была права, голова у меня болела постоянно, приходилось пить таблетки.

— Поднимусь наверх, — в доме было тепло, можно не переживать, что Варя во сне раскроется, но я не любила оставлять ее одну. Мне хотелось постоянно быть с ней рядом, я скучала, даже если не видела ее несколько часов.

О записке я не забыла, она все это время прожигала карман. Малышка спала. Стараясь не шуметь, но с гипсом это плохо выходило, доковыляла до кровати. Развернув записку, увидела короткую строчку письма:

«Ты позволишь мне познакомиться с твоими братом и сестрой?»

Глава 18

Глеб

В детстве, когда нам плохо, мы идем к маме, потому что верим: она поймет, пожалеет, обнимет, успокоит. Приходит время, когда к маме идти уже стыдно, со своими проблемами ты лезешь в бутылку или отрываешься с помощью женщин, адреналина. В моем случае не поможет ни один метод. Ломая голову, решаюсь на разговор с богом. Хочу найти его в себе.

Отправился в церковь. Ходил ведь в детстве с бабушкой. Встал в самый укромный угол у небольших икон. Пламя свечей действовало умиротворяюще. Я не любил говорить о Темке, не любил вспоминать, но эта темная пустота всегда ощущалась в душе, она разъедала и разрушала. Я не был глубоко верующим человеком, как и большинство людей на земле, но сейчас искал прощения, потому что сам себя простить не мог.

Не знаю, почему потянуло именно сюда. Не знаю, что мне это даст, но я мысленно просил прощения. Порой казалось, что мне отвечают, хотя я слышал в голове собственный голос: «Оставь немного богу, ты слишком много взвалил на себя...»

После посещения церкви отправился на кладбище. Давно здесь не был. Трагедия с Артемом случилась в Новоси-

бирске. Все дорожки занесены снегом, но я точно знаю, как пройти к его могиле. Не моя фамилия на надгробье, но он навсегда останется моим сыном. Страшно и обидно, что со временем черты его лица стираются из памяти. Забываются какие-то мелочи...

Наверное, нужно вернуться в прошлое, чтобы, не оглядываясь, идти в будущее.

Я не мог жить без Милады, она мне была нужна во всех смыслах этого слова, но я не планировал получить ее эгоистично в свое распоряжение. Для меня не менее важно было сделать ее счастливой. Хочет она детей, значит, они у нас будут, и я приложу дофига усилий, чтобы в этот раз не облажаться.

Сидя на скамейке, я разговаривал с Темой. Сколько раз я просил прощения, но самого себя простить так и не получилось.

— Если в моей новой семье появятся дети, сын, это не значит, что тебя я забыл и перестал любить. Ты навсегда останешься моим первенцем, моим сыном.

Какого-то мгновенного результата я не ждал, его и не было, но стало чуть легче дышать.

— Где ты был? — спросил Кирилл, когда в офисе я появился лишь в обед. Успел заехать в магазин, заказать кое-что и отправить Миладе.

Я дал ей время. Отпустить ведь все равно не смогу. Достаточно изучив эту девочку, я понимал, что в первые дни

слишком сильно напирал, вызывал еще большую волну негатива к себе. После того разговора я хапнул столько ее боли, что меня конкретно так приложило. Двое суток не выходил из кабинета, утонув в работе, просил ни с кем меня не связывать.

— Дела были, — прохожу в кабинет, Кирилл заходит следом, прикрывает дверь.

— Я начальник твоей безопасности, Глеб. Как я могу тебя охранять, если ты отсылаешь охрану? Знаешь, скольким людям ты сейчас дорогу переходишь своими проектами?

— Кир, мне нужно было побыть одному, — закрываю тему. Друг недоволен, но спор прекращает.

— Хочешь, я с ней поговорю? Расскажу, что это я той ночью...

— Нет, — резко обрываю. В наши отношения никто не будет лезть и меня отбеливать. Если Милада поверит мне, то пустит в свою жизнь. Я точно знал, что этот путь мне придется проходить самому.

— Не понимаю я тебя. Зациклился на одной девчонке...

— Кирилл, закрыли тему, — когда-то я рассуждал так же. Дальше что-то мне говорить было бессмысленно.

— Игнатов вечером будет ждать нас у себя в ресторане.

— Я помню.

Забудешь тут! Бывший товарищ звонил каждый день, приглашал посидеть и отметить приезд. Вот сомнений не было, ему что-то от меня надо будет.

Когда за Киром закрылась дверь, посмотрел на часы, приблизительно посчитал, что Милада должна уже была получить мое послание. Теперь сидел в напряжении.

Пошлет или нет?

Я готов был к любому развитию. Старался не строить больше планов, потому что с Ладой они плохо срабатывали. Я от души подарил те кресла-качалки. Спонтанно остановился у детского магазина, привлекла витрина. Пообщался с девочками-консультантками. Раньше я любил покупать Темке подарки. Видишь радость в глазах ребенка – и сам становишься счастливее. Забытое чувство...

Телефон не молчал, но весь день я ждал звонка или хотя бы сообщения от Милады. Значит, пока не заслужил ответного шага.

Как же тебя вернуть, если ты не оставляешь ни одного шанса на сближение?..

Глава 19

Глеб

Лучше бы остался на работе или свалил в отель. Меня раздражал вечер, который не успел начаться. Заведение у Игнатова было приличное, но не дотягивало уровнем до столичных заведений. Пора было сменить интерьер, сделать ремонт.

Посидеть в мужской компании, повспоминать прошлое не получилось. И так не хотел идти... На кой ляд нужно было приглашать эскортниц? Кир сидел довольный, будто баба у него в последний раз была в прошлом веке!

— Темненькую тебе оставить? — ухмыляется друг.

Знает мои загоны. За эти два года если и тащил в постель баб, то брюнеток. И чтобы на Миладу похожа была. Имя ее с губ само срывалось, хотя знал — не она подо мной...

— Себе заberi вместе с рыжей, — холодно и жестко. Игнатов уже положил взгляд на грудастую блондинку с губами как у надувной утки.

Брюнетка самая яркая. Нужно отдать Игнатову должное, девочки молоденькие, красивые, не затасканные. Свежий еще товар. Но не цепляет, неинтересно. Такими попользовался, выкинул за дверь и забыл.

Читаю интерес в глазах каждой. По щелчку любую могу отсюда забрать, но мне скучно и неинтересно, словно на по-

минках сию. Девушки флиртуют, ненавязчиво задают вопросы, улыбаются, восторгаются, шутят и даже разыгрывают смущение. Пытаются понять, на какой крючок цеплять. Молоденькие акулы, которые явно прошли обучение в агентстве. Рассчитывают на длительные отношения с мужчиной, который в состоянии оплатить все их потребности.

— Хотите, я вам город покажу? — обращается ко мне... кажется, Даша. Смущение не доигрывает. Взгляд выдает в ней охотницу. Появляется официант, приносит заказ.

— Дарья, Глеб Новосибирск знает лучше, чем вы, — посмеивается Игнатов. — Он тебе такие места может показать, о которых ты раньше ничего не слышала.

— Покажете? — тут же хватается за возможность сблизиться. Подружки затаили дыхание, ждут моего ответа. Между ними соперничество, которое нельзя не заметить.

— У меня нет времени проводить экскурсии, — отвечаю Игнатову, а губы дует Дарья. Может дуть сколько хочет, кроме раздражения ничего не вызывает. В очередной раз напоминаю себе, что Милада рвала все шаблоны, никогда не вела себя так... примитивно и по-бабски дешево. Моя девочка дарила такие вкусные эмоции, от которых голова хмелела даже без секса.

— С экскурсиями — это к Ромашову, — вставляет реплику Кирилл.

— Он неплохо поднялся за последний год, — удивленно и с уважением произносит Игнатов. Он не в курсе, что я был

женат на дочке Степана. Насколько я знаю, они давно не общаются. В свое время Ромашов обращался за помощью к Игнатову, но тот отказал. А теперь сам собирается просить. — Ты ведь вкладывался в его бизнес? — интересуется Игнатов.

— Работает мужик, в правильном русле трудится, — Кир уводит разговор от бизнеса.

Инвестировать в бизнес тестя — одно. Хотя, не согласись Милада в то время стать моей женой, все равно бы вложилась. Давать деньги Игнатову не собираюсь. Слышал, что у него финансовые проблемы. Сегодняшний вечер был затеян именно для этого разговора.

— Стешка всегда с запросами была, а тут сразу такое пополнение в семье, — салютуя наполненным стаканом. — Папаша старается заработать побольше денег для своей семьи, — этого Кириллу говорить не стоило. Сейчас Игнатов уцепится, что и ему нужно зарабатывать, а бизнес стоит. Но вопреки моим ожиданиям, говорит он совсем иное:

— Ну да, ну да. Наследник, внучка... не пойми от кого дочь родила... — почесывая затылок.

— Внучка? Я думал, у Степана двойня, — косясь на меня, спрашивает Кир. Опасается моей реакции, готов сорваться за мной в любую секунду. Ставит резко стакан на стол, задевая дном край тарелки. Внешне друг спокоен, а внутри напряжен.

— Нет, какая двойня? Сына Стешка родила, — Игнатов ничего не замечет, а мне с трудом удастся держать покер-

фейс. Меня разрывает, словно поезд сквозь грудь пронесся и вынес сердце. Я не слышу, чтобы оно билось.

В голове какие-то эпизоды всплывают, но не складываются в общую картину.

Милада родила?..

Когда?!

От кого?!

Внутри меня лихорадит, я не слышу разговора за столом.

— Я сейчас вернусь, — равнодушно произношу и выхожу из-за стола. Игнорирую настороженный взгляд Кирилла.

На улице расстегиваю ворот рубашки, в груди печет. Сколько месяцев детям? Она может быть моей?..

Глава 20

Глеб

«Моя дочь?» — я держу в руках документы, косвенно подтверждающие наше родство: выписку из роддома, обменную карту и даже запись посещения клиники, в которой врач подтвердил беременность. В тот день она солгала. Солгала, что не ждет ребенка.

Кир стоял надо мной и ждал хоть какой-то реакции. Боялся, что сорвусь. Уже сутки я удерживал в себе бомбу замедленного действия. Узнать, что любимая женщина не собиралась говорить тебе о ребенке...

«О ребенке, которого я в то время не хотел...» — напоминает внутренний голос.

Я видел девочку и даже не обратил на нее внимания. Какая она? На кого похожа?

Не верится, что я отец...

Может быть такое, что не я отец малыша? Внутри от этой мысли все органы выжигает кислотой. Эта новость скрутила меня в бараний рог. Полный раздрай в голове. Без анализа ДНК я не могу ни в чем быть уверенным, но не решаюсь отказать приказ, чтобы это выяснить. А может, стоит? Переварю все за один раз, а потом решу, в каком направлении двигаться дальше.

Теперь становится ясно, почему Милада так упорно со-

противляется нашему сближению. Ей важно, чтобы я принял ребенка, от кого бы он ни был. Не получится просто принять, нужно стать ему настоящим отцом. Смогу? Отпущу все страхи?

— Что будешь делать? — задавая этот вопрос, друг внимательно следит за моей реакцией. Напряжен, как и я.

Этот вопрос всплывает в моей голове каждую минуту. Нет у меня на него ответа. Нужно взять под контроль эмоции. Легко сказать, но трудно сделать. Как тут успокоишься?

— Думать, — самому хочется в это верить. Действовать я мог и вчера вечером, с трудом удержался, не поехал к ней. Надолго ли хватит моей выдержки?

— Соберешься к Ромашовым, меня возьми с собой, — Кирилл настроен серьезно. Упрямо смотрит мне в глаза, не моргает. Руки в карманах брюк сжимает. — Опять дров наломаешь, Глеб.

Есть в его словах доля правды, но сейчас они меня злят.

— Лучше займись установлением отцовства, — решаюсь на этот шаг на эмоциях.

— Предлагаешь нам в мусоре копаться? — выходит и Кир из себя. Он сутки возле меня просидел, не спал и не ел. — Может, отыщем слюнявчик или волосы ребенка? — разворачивается и уходит.

Закрываю папку, прячу ее в нижний ящик. Сегодня все сотрудники обходят меня стороной. Даже Таня после утренней встречи не заглядывала ко мне весь день. Вчера полночи

молотил по груше, а ярости в душе меньше не становилось. Ваньке не решался набрать. А если и брат предал? Знал и не сказал?

Звоню брату. Вчера два раза сбросил до первого гудка. Сегодня жду. Второй гудок... Третий...

— Алло? Привет, Глеб, — голос у Ваньки запыхавшийся.

— Привет. Помешал вечерней пробежке?

— Я уже домой возвращаюсь, не помешал. Как дела?

— Нормально, — отвечаю на автомате. — Вань, перешли мне фотки Милады с детьми. У тебя же есть? — в свободной руке гнется и ломается перьевая ручка, отбрасываю ее в сторону. Давлю в себе гнев, но как же это сложно.

— Есть несколько. А тебе зачем? — подозрительность в его голосе взрывает нутро.

Зачем?!

— Хочу на дочь посмотреть, — а еще тебе в глаза в данный момент, чтобы понять, знал ты или нет.

— Глеб? — удивленно. — Какая дочь? С тобой все нормально? — Ванька не играет, он реально не понимает, о ком идет речь. Меня немного отпускает. И даже сердце не так сильно жжет.

— Надеюсь, моя.

— Глеб... — ругается брат. — Объясни, что происходит? Что за бред ты несешь? — психует и раздражается Иван.

— У Милады есть дочь. Я так понимаю, ты не в курсе, что она родила ребенка? — на том конце провода повисает

тишина. Ванька перестает тяжело дышать. Да он вообще, по-моему, не дышит. Так же и со мной было вчера.

— Дочь? — спустя, наверное, минуту.

— Дочь, Вань. Вчера узнал.

— Это точно?

— Точнее не бывает.

— Твоя?

«Будет моей, каким бы ни был результат анализа...» — пока только себе даю обещание.

Когда ты любишь женщину так, как я Ромашову, то сомнений быть не может, принимать ее ребенка или нет. Я сделаю все, чтобы полюбить эту Варю. Но если у малышки другой отец, я его где-нибудь прикопаю.

— Пока не знаю. Вань, ни слова Миладе о том, что я в курсе, — брат ничего не отвечает, переваривает информацию. — Жду фотографий.

— Глеб, подожди. Я прилечу завтра...

Глава 21

Милада

Малышние качалки нравились. Пытались иногда отнять новые кресла друг у друга, но в основном каждый топал к своему. Глеб несколько дней никак не напоминал о себе. Словно не дождавшись ответа на свое сообщение, он отступил. На Тихомирова это не похоже.

Я эти дни ломала голову: позволить ему сблизиться с Варей или нет? Это для Глеба все просто, а для меня вернуть его в нашу жизнь – большая ответственность. Ответственность перед дочерью. С другой стороны, если вычеркну Глеба из нашей жизни, не получу ли упреков от Вари, когда она вырастет, что я лишила ее отца?

Мама с папой были приглашены на именины важного чиновника. Таким людям не отказывают, если хотят, чтобы бизнес и дальше процветал. Мама не хотела оставлять меня с детьми одну, но выхода не было. Пришлось что-то придумывать. Папа разложил диван в гостиной. Если малыши захотят спать, то уложу их прямо здесь, родители вернутся, тогда папа поднимет их и уложит в кровати.

Дети играли на полу, раскидывая по всей комнате множество игрушек, а я крутила в руках телефон и подумывала написать Глебу. Сейчас неплохой момент для него прийти в гости. Родителей не будет, мама не станет меня клевать за

слабину. Порой не до конца понимаю, почему она так злится на Тихомирова. Сама отцу многое прощала. Хотя как прощала? Мстила. Скандалила, меня во все это втягивала. Сейчас и не разберешь, кто кому первым изменял.

Я перед плохо выученным экзаменом в университете нервничала раз в сто меньше. Меня всю трясло, пока я набирала короткое предложение: «Можешь заехать сегодня в гости, но через три часа детей буду укладывать». Потом еще минуту думала, отправлять или нет. Нажала на стрелку «отправить» и прикрыла глаза, стараясь унять взволнованное сердце.

«Буду через час», — пришел минут через десять лаконичный ответ.

Вот этот самый час я потратила на то, чтобы взять себя в руки, спрятать за маской все ненужные эмоции. Я не стала прихорашиваться. Во-первых, детей не оставишь одних, а поднять их на второй этаж с гипсом на ноге я не смогу. Во-вторых, он сразу заметит, что я готовилась к встрече. Выглядела я и без косметики хорошо.

Тихомиров пришел не с пустыми руками: цветы, игрушки и сладости. Я открыла дверь, не выходя во двор. Встречала его у дивана, упершись бедром о спинку. Разувшись, Глеб прошел в гостиную.

— Привет, — первой поздоровалась, когда он вошел в дверь, роняя пакет с игрушками.

— Здравствуй, — услышав вежливый ответ Тихомирова,

я тут же напряглась.

Этого мужчину я за короткий отрезок времени успела хорошо изучить. Глеб был напряжен, а еще он тушил в себе злость. Я пока не могла понять, связан этот гнев со мной или он принес его с работы.

— Проходи, — Тихомиров не смотрел на меня, это не очень хороший знак. С трудом взятые под контроль эмоции стали сбоить. Вернувшись на диван, я присела и принялась ждать, что будет.

Цветы положил рядом со мной. Молча. Я на них даже не взглянула. Пакет со сладостями поставил на журнальный столик, а игрушки пошел лично вручать малышам.

Сердце пропустило удары, когда он присел на ковер возле детей. Мелкие насторожились. Предчувствие подсказывало, что все плохо, все очень плохо. Вручив Борьке коробку с машинками, он внимательно смотрит на Варю, будто ищет в ней свои черты. Достает игрушки, улыбается ей.

«Он знает!» — панический крик внутри меня. Сжимаю коленку с такой силой, что пальцы начинают болеть, а на коже точно останутся следы. Вся эта молчаливая сцена – вводная часть к последующему представлению.

Минут десять Глеб сидел возле Вари. Распаковывал игрушки и протягивал ей с улыбкой. Когда, схватив какого-то зайца, она утопала от Тихомирова, он поднялся и подошел ко мне. Захотелось встать, чтобы хоть немного сравняться с ним ростом. Неуютно оттого, что он нависает надо мной,

приходится задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Варя моя? — тихо спрашивает он. Наверное, я ждала этого вопроса, поэтому, несмотря на сумасшедший ритм сердца, я спокойно отвечаю:

— Нет, — но выдержки не хватает, я все-таки отвожу взгляд. Тут же об этом жалею.

— Посмотри мне в глаза и ответь: это моя дочь? — от холодного, забытого тона мороз по коже, но я не собираюсь прятать глаза в пол.

Смотрю на него, как он и требовал. С вызовом. Тихомирову пора вспомнить, что я даже восемнадцатилетней девочкой никогда не отступала, а теперь я мама. Мама замечательной малышки, которую не дам в обиду. И себя больше не позволю обижать.

— Смотрю тебе в глаза и повторяю: у моей дочери нет биологического отца, — все-таки язык не поворачивается говорить откровенную ложь. — Если в будущем я встречу достойного мужчину, верю, что он захочет удочерить... — фраза застывает на губах, пальцы Глеба сжимают мою шею.

Выпад был таким резким, что я не успела увернуться. Он ничего не говорит, но взгляд такой красноречивый, что мороз пробирает до костей. Готов меня убить, правда, непонятно за что: за то, что я родила от него ребенка, не сделав аборт, или за то, что в моей жизни может появиться другой? Тихомиров всегда был собственником.

Убить не хочет. Шею удерживает, но не сдавливает, хотя

его энергетика давит сильнее, чем руки. Я ведь хотела его спровоцировать. Хотела сделать ему больно, как сделал он мне, поэтому и фразы такие выбрала.

— У моей дочери есть отец, и другого не будет, — чеканит холодным тоном слова, поглаживая подушечкой большого пальца вену на шее. Она бьется так, словно готова порваться. — А у тебя есть мужчина. И ни одному мудаку я не позволю к вам приблизиться...

Глава 22

Милада

— Начни с себя, — смотрю прямо в глаза.

Глеба задело, что я назвала его мудаком, свел брови вместе. Напрягся. Не нравится? Удивлен? Убираю руку от своей шеи, Тихомиров позволяет. Косится на детей.

— Ты единственная женщина, которая способна опустить меня на землю, не прилагая никаких усилий, — усмехнувшись, произносит он, продолжая нависать надо мной. — Мудак, значит?

— Есть сомнения? — сейчас страх проходит, на его место выдвигается злость. Опускаться до скандала, тем более в присутствии детей, я не стану, но так хочется высказаться и выставить Тихомирова за дверь. — Отойди в сторону, — достаточно грубо, но негромко, чтобы не пугать Варю, которая на нетвердых ножках топала ко мне, заметив что-то подозрительное. — А лучше вообще уйди.

Тихомиров делает вид, что не слышал последних слов, присаживается рядом на свободное место, наблюдает, как я притягиваю к себе Варюшу на колени и целую в пухлую щечку. Малышка не ко мне так радостно топала, она увидела бутоны роз, которые ей так нравилось отрывать и запихивать в рот. Ее непросто удерживать, Варя прилагает все свои скромные усилия, чтобы вырваться из захвата и достичь же-

ланной цели.

— Нельзя, — строго произношу, потому что Варя начинает капризничать.

Борька увлечен. Ему не до цветов. Тихомиров ему подкинул задачку — вытащить машинки из коробки.

— Что она хочет? — спрашивает Глеб, все это время внимательно наблюдавший за нашим сражением.

— Распотрошить твой букет.

— Пусть потрошит, если ей нравится, — предлагает Тихомиров. Уперев руку в колено, принимается ждать, что я последую его совету. Глубоко вдыхаю. Медленно выдыхаю. Типичный папочка.

— Она лепестки сует в рот, я не знаю, чем их обрабатываю и какими руками трогают. Унеси цветы на кухню, — спуская Варю с колен. Она не понимает, что делает мне больно, но это замечает Глеб и хмурится. Хватает цветы и уходит на кухню. Возвращается быстро.

Варя в отсутствие букета вновь пытается залезть мне на руки, нога ноет, поэтому я стараюсь отвлечь малышку игрушками.

— Давай я ее возьму? Не испугается? — спрашивает Тихомиров, останавливаясь рядом с нами, присаживается на колени. Вряд ли Варя начнет плакать, если Глеб возьмет ее на руки, хотя к незнакомцам они с Борькой всегда относятся настороженно.

— Ты сам не испугаешься? — мой укол справедливый.

Он столько лет шарahalся от детей, что я поверить не могу в его искренность. Тихомиров не отвечает, лишь одну бровь выгибает. — Хочешь помочь, распакуй Боре машинки, он уже устал теревить коробку, — нервы подводят, поэтому в голосе слышно раздражение.

Я ждала, что он устроит допрос. Начнет настаивать на тесте ДНК. Возможно, угрожать судом, чтобы разделить право видиться с ребенком. Хотя не уверена, что Варя ему настолько нужна. Я уже ни в чем не уверена! Вспышка злости Тихомирова прошла, и теперь он ведет себя... правильно! Что еще больше настораживает.

А может, я просто боюсь ему еще раз поверить? Боюсь увидеть в нем то хорошее, перед чем не смогу устоять? Я боюсь новой боли...

— Держи, карапуз, — доставая из коробки небольшие гоночные машинки, Глеб показывал Борьке, как с ними играть.

Варе тоже стало интересно, и она потопала к ним. Плюхнулась на памперс, ковер смягчил удар. Потянулась к красной машинке, но Борька опередил. Моей дочке досталась зеленая, она тут же потянула ее в рот.

— Нет, нет, — отнимая руку от губ малышки. — Нельзя облизывать всякую гадость, — подхватывает ее на руки и сажает на колени.

Мое сердце замирает. Я внимательно, словно коршун, слежу за каждым его движением. Сердце подсказывает, что Тихомиров никак не обидит, не оттолкнет дочку, но рассла-

биться все равно не получается. Да и Глеб не расслаблен. Посадил Варю, а сам не двигается, будто его накрыло воспоминаниями. Хотя, возможно, прислушивается к своим чувствам. Для него это сродни прыжку в пропасть. Отмирает Тихомиров, поудобнее перехватывает Варю.

— Смотри, как она умеет, — катает машинку на ладони, но Варе неинтересно, она отбирает игрушку и вновь порывается ее попробовать «на зубок». — Я понял, тебе нужно дарить игрушки, которые можно жевать и слюнявить, — улыбается он малышке.

— У нас их много, не надо ничего дарить, — ровным тоном. Тихомиров никак не реагирует, проглатывает мой выпад. Он вообще ведет себя образцово. Борьку втянул в их игры.

Уже прошло больше часа, но я не решаюсь выставить его за дверь. Тихомирову удалось увлечь детей. Мне бы только сидеть и отдыхать, но я отчего-то злюсь...

Глава 23

Милада

Детей пора укладывать, а с Тихомировым – прощаться.

— Ты куда? — Глеб замечает, что я поднялась и потянулась к костылю. Последние минут сорок он старательно делал вид, что кроме него и детей в комнате никого нет. Чувствовал, что мое настроение портится, поэтому сидел рядом с малышами и позволял им закидывать себя игрушками.

Глеб чувствовал мое настроение, поэтому использовал тактику игнора, минимизировал конфликт между нами.

— Смесь приготовлю, — не глядя в его сторону, могу сказать, что Тихомиров хмурится. Я до сих пор безошибочно могу описать по его тону выражение лица.

— Тебе разве можно стоять на ноге?

— Я на ней не стою, — по крайней мере, очень стараюсь, не всегда получается. Сложно быть прилежным пациентом с младенцем на руках. Важнее своего здоровья ты ставишь ребенка.

— Я вижу. Сядь и скажи, что делать, — командует в присутствующей ему манере. Тихомировская забота. Обойдусь!

— Ты не у себя в офисе, чтобы командовать. Твое присутствие – случайность. Как думаешь, не приди ты сегодня в гости, кто кормил бы и укладывал детей? — вопрос риторический, я не жду на него ответа.

Шпильку Тихомиров проглатывает. Не было задачи его как-то специально задеть, но делать вид, что все в порядке, не получится. Дело не в женской обиде, не в том, что ребенок, которого он не желал, так тепло тянулся к нему, улыбался и протягивал игрушки. Совру, если скажу, что меня это не задевает. Задевает. Но проблема не только в этом, Тихомиров вновь врывается в мою жизнь и без зазрения совести рушит привычный уклад. Мне от этого дискомфортно. Я не могу довериться и принять его правила игры. Жизнь непростая, всякое может произойти, мне рядом с собой хочется видеть мужчину, который станет мне не только отличным любовником, но и отличным отцом моим детям, поддержкой и защитой в любой ситуации.

— Но я здесь и могу помочь, — Варя хватает его за штанину, удерживаясь, встает на ножки. Глеб опускает на дочку взгляд, замечаю в уголках губ намек на улыбку. — Скажи, что где лежит, я сделаю.

— Сама справлюсь, — быстрее сделать самой, чем объяснять. Подхватываю удобнее костыль и прыгаю до кухни готовить смесь. Обычно смесь даем за полчаса до сна. Мелкие выпивают молоко и довольные спят до утра.

На кухне остаюсь одна. Мне нужно немного времени, чтобы внутренне собраться. Присутствие Тихомирова никогда не оставляло меня равнодушной, а теперь он еще и в жизнь Вари пытается войти. Дерзко и бескомпромиссно. Малышка имеет право на отца, но внутри меня зреет протест, подогре-

ваемый обидой. Я всегда старалась опираться в своих суждениях на разум, но тема Глеба — как нарыв, постоянно болит и дает о себе знать. Не получается без чувств и эмоций.

Не нужна ведь ему была Варя. Он не хотел ребенка. А теперь ведет себя так, будто я виновата, что отняла у него почти год знакомства с дочерью. Немой укор так и висит в воздухе.

Глеб приносит бутылочки из кухни по моей просьбе. Малыши выпивают все. Даю им поиграть еще полчаса. Пробую договориться с мелкими, чтобы они собрали игрушки и сложили их в манеж. Пока плохо получается. На помощь им приходит Глеб.

— Помочь уложить? — спрашивает Глеб, когда Варя начинает у него на коленях клевать носом.

— Я сама, — расстилаю у спинки дивана простыню.

— Укладывай. Я подожду, — подходит с Варей на руках и садится в кресло. Считывая немой вопрос на моем лице, отвечает: — Нам нужно поговорить. Ты ведь теперь не скоро меня в гости пригласишь?

Не скоро.

Меняю на ночь детям памперсы. Варя крепко держит бежево-розового зайца из подаренных сегодня Глебом игрушек. Не хочет отпускать, разрешаю спать с ним.

— А почему не в кроватках? — спрашивает, когда я укладываю детей и накрываю их одеялом.

— Мне сложно поднять их наверх, — равнодушно, хватит

показывать эмоции, сегодня их было слишком много.

— Я ведь здесь, мне несложно.

— Не надо, — не хочу, чтобы у родителей возникли вопросы. А они обязательно возникнут. Цветы и сладости можно списать на доставку. Тихомиров не настаивает. По моей просьбе приглушает свет.

— Идем поговорим на кухне? — спрашивает он.

— Говори здесь, они не проснутся.

— Я хочу видиться со своей дочерью.

— Варя не твоя дочь, — эта фраза так часто всплывала в моей голове, когда я проецировала возможный разговор с Глебом, что сейчас я с легкостью ее произношу.

— Я знаю, что виноват перед ней и перед тобой. Дай мне шанс доказать, что я достоин быть рядом с вами...

Глава 24

Глеб

Смотрю на малышку, рассматриваю, как под микроскопом, каждую черточку. Не пытаюсь понять, моя она или нет, есть ли схожие черты лица, и так видно – Тихомирова. Моя дочка. Столько лет я запрещал себе даже думать об отцовстве, а тут вот она уже есть.

Сумбур в мыслях, в душе, но я пока не пойму, что чувствую, самые яркие на данный момент чувства – нежность к ребенку и страх не справиться с ситуацией, не оправдать надежд. Милада как пороховая бочка. В любой момент может вспыхнуть, фитиль уже подгорает.

Когда ехал к ним, установку себе четкую дал: ни при каких обстоятельствах не реагировать на провокации. Милада на раз может взорвать мой мозг, вынуть всю темноту наружу. Забрало от ревности сорвало, когда она о другом мужике заговорила. Красная пелена перед глазами от злости, а смотрю на упрямый взгляд, вздернутый подбородок, гордую осанку – и зацеловать хочется. Сильная умная девочка. Моей будет...

Мне хочется задержаться у них подольше, но каждым вздохом Милада мысленно гонит за дверь. Играл с Варей, а у самого руки дрожали, прикоснуться к ней было страшно. Через час где-то сердце перестало сбоить, когда она ко мне

подходила и лезла на колени.

Пацан Ромашова рядом играет, а я словно не замечаю. Только из-за Милады подключаюсь, а то сделает вывод, что я против детей. Мужики в большинстве случаев только к году осознают, что стали отцами. Мы можем хвастать перед друзьями своими отпрысками, гордиться и понимать ответственность, но вот мамой стать не можем. Те сразу с головой уходят в ребенка, после рождения любят их больше всех на свете, до нас доходит долго, если не всучить нам новорожденного и не заставить о нем заботиться круглосуточно. Тогда этот процесс осознания происходит значительно быстрее.

Мы тоже разные. С Темкой я не сразу догнал, что в моей жизни произошли изменения. Много времени уделял работе. Потом втянулся и понял, что за сокровище мой сын. С Варей все намного стремительнее происходит. Я не знаю малышку, но я таю от нежности, глядя на нее. Тихомировская порода, но в ней угадываются тонкие черты любимой женщины. Как можно остаться к ней равнодушным? Мы сделали это чудо.

Любое предложение о помощи Милада отвергает. Я вижу, что ей тяжело. Хочется схватить и посадить на диван, запретив двигаться. Это было бы правильно, этого требуют мои инстинкты – защитить свою женщину, уберечь от боли.

В этот момент просыпается совесть в моей голове и напоминает, что самую большую боль ей причинил я. Неважно,

что за этим стояло. Я осмысленно это сделал – заставил Миладу себя ненавидеть. Теперь любое проявление заботы воспринимается ею в штыки. Не знаю, как преодолеть эту преграду!

Приходится наблюдать за ней, сжав зубы. А нога у нее болит! Прыгает, а сама старается морщиться незаметно. Куда смотрят Ромашовы? Ей ногу беречь надо!

Ухватившись маленькой рукой за мой палец, Варя клюет носом у меня на коленях. Сердце тонет в нежности к этой беззащитной малышке. Я не хочу исчезать из ее жизни. Из ее жизни и из жизни Милады. Хочу знать распорядок дня моей дочери. Хочу укладывать ее спать, гулять, знать, что она любит. Пусть я не самый лучший отец в мире, но ведь могу им стать...

Я не уверен, что в ближайшее время мне такую возможность предоставят. Как только Милада укладывает детей, отказавшись, чтобы я поднял их и уложил в кровати, завожу разговор о встрече с дочерью. Вновь слышу, что она не моя. Внутри поднимает голову темнота, но я стараюсь не реагировать. Одна мысль, что Милада могла родить от другого, растирает меня в пыль.

Милада специально бьет по болевым точкам. Не хочу пускать в голову сомнения. Не позволю. Знаю, что Варя моя. Могу легко сделать анализ ДНК и доказать родство в суде, но это сразу поставит крест на «нас», поэтому этот вариант отметаю.

— Я знаю, что виноват перед ней и перед тобой. Дай мне шанс доказать, что я достоин быть рядом с вами, — прогибаюсь, стою перед ней на коленях в фигуральном плане, но заранее знаю: Миладу это не тронет.

— Шанс дают тем, кто оступился, Глеб, а ты меня предал, — тихим голосом, в котором ничего нельзя прочитать. Всем своим видом Милада показывает, что я в прошлом. Нутро располосовано зазубренным лезвием, каждое ее последующее слово оставляет новые глубокие раны. — Ты меня предал не тогда, когда отказался иметь от меня ребенка, ты меня предал тогда, когда решил прогнать. Растоптав все, чем я жила. Но я рада, что ты так поступил, — невесело усмехнувшись. — Останься я подле тебя, у меня могло не быть Вари. Оставь нас, Глеб. Живи так, как привык.

Горло сжало железными тисками. Мотаю головой. Ощущение, что я бегу по тонкому льду, приближаюсь вроде, а на самом деле становлюсь все дальше от нее...

Глава 25

Милада

— Позвонишь, когда мне можно будет увидеться с Варей? — у дверей говорит Глеб. Ждет моего ответа, а его нет. Просто нет. Мы говорили почти час, но так и не услышали друг друга. — Буду ждать твоего звонка, — перед тем, как покинуть дом. Его слова набатом бьются внутри меня. Не получается выкинуть их из головы.

Договориться нам не удалось, но теперь не осталось надежды, что он отступит. Тихомиров настаивал на встречах с Варей, я упиралась, что она только моя дочь. Не готова пустить Тихомирова в нашу с Варей жизнь. Не готова! Не верю, что он так резко загорелся своим отцовством. Столько лет категорически не хотел детей, даже разговоры о детях Глеба раздражали. Несколько недель назад он стоял в этой самой гостиной и ни разу не взглянул в сторону малышей. Напрягался, стоило им оказаться рядом. Что изменилось?

Тихомиров стратег. Грамотный стратег с очень холодным разумом. Результаты его выверенных точных ходов отражаются на банковском счете, который даже в кризис уходил в плюс. Я — новая цель, которую он обязан добиться любым способом. Не уверена, что, добившись, он не потеряет интерес. Скорее всего, в этот раз наш брак продлится дольше полугода, а потом наступит кризис. Наступит ведь, почти все

через это проходят. Мне сидеть и ждать, что меня опять отпустят на все четыре стороны? А Варя? Отберет?

Мои страхи основаны не на обиде. Я сужу по его поступкам, которые оставили глубокий след в душе. Неприятный след. Теперь я присматриваюсь к Тихомирову внимательнее, через призму недоверия. Мои личные предпочтения и желания учитывать не собираюсь.

Да, мое сердце замирает при его приближении, по телу пробегает знакомая горячая волна желания, стоит ему прикоснуться ко мне. Тело вспоминает своего первого мужчину, отзывается.

Кто говорит, что женщине близость не важна, заблуждается или просто не испытывал удовольствие, находясь в руках страстного любовника. Любовника, который думает об удовольствии женщины и может его дарить. А у меня полноценной близости не было почти два года. Затянувшаяся диета после годового пира. Гормоны гормонами, а думать я должна о дочери.

Дети спят. На душе беспокойно. Откуда Тихомиров узнал о Варе? Кирилл? От него мало что удастся скрыть. Это вообще чудо, что Глеб так долго не знал о рождении дочери. Объяснение только одно – он не хотел ничего знать обо мне. В голове словно по щелчку всплывает образ друга.

Ванька!

Сердце меняет амплитуду сокращений. Знает ли Ваня, что у него есть племянница? Сколько дней он мне не звонил

и не писал? Просматриваю последнюю переписку. Проверяю журнал звонков. Четыре. Столько же, сколько не присылал цветы Тихомиров...

Вот перед кем я чувствую вину! Острую, тягучую. В случае с Ванькой я предательница. Осознанно пошла на этот шаг, знала, что, если выяснится правда, мне будет очень стыдно перед ним. Столько месяцев врала ему...

Я не боюсь его разбудить. Мы можем звонить и писать друг другу в любое время дня и ночи. Но останавливают меня две вещи: первое — не готова услышать укор в голосе друга, второе — скоро должны вернуться родители. Не получится поговорить. А разговор обещает быть длинным и не очень приятным...

Хотела скрыть от родителей, что у нас был Глеб, но папа с порога интересуется:

— Кто приезжал?

— Доставка от Тихомирова, — киваю на букет цветов, которые так и остались лежать на кресле.

— Своих ребят присылал? — я не спешу с ответом, могу проколоться. Задаю свой вопрос:

— Откуда узнал?

— Протектор от дорогих шин на снегу, — произносит отец, но я, считывая мимику, понимаю: что-то не то.

— Степ, давай детей по кроваткам разнесем, — негромко произносит мама, которая уже успела сходить в уборную и вымыть руки.

Я поднимаюсь в свою спальню, папа заносит Варю, почти не дышит и не совершает ни одного лишнего движения, чтобы ее не разбудить. Тихонько кладет в кровать.

— Я несколько камер на доме поставил, когда ты в больнице была, — произносит папа. По позвоночнику проходит колючий холод. — Мама не знает, что Тихомиров приезжал, пусть и не узнает.

— Глеб знает, что Варя его дочь, — признаюсь отцу, не могу не поделиться, меня распирает изнутри, а градус напряжения зашкаливает.

— Угрожал? — ровным голосом интересуется папа, но сразу как-то собирается, будто готов нас защищать.

— Нет, — мотнув головой. — Просит разрешения навещать Варю.

— Что решила?

— Пока ничего.

— Утро вечера мудренее, ложись спать, — папа желает мне доброй ночи и уходит в свою комнату. Спать...

Не получается уснуть. Не могу выкинуть из головы Ваньку. Не могу не думать о том, что обидела его.

Сажусь на нерасстеленную кровать, прислонившись спиной к изголовью, печатаю и отправляю другу сообщение.

«Привет! Не спишь?»

Вижу, что он прочел, но не отвечает...

Глава 26

Милада

«Ванька имеет право обидеться», — уговаривала себя, опускаясь на крышку унитаза. Отличное место, чтобы подумать в тишине. Сидеть на полу с гипсом было неудобно, я уже пробовала, еле поднялась на ноги.

Формат наших отношений с Ванькой не подразумевал обид. Как бы я себя ни убеждала, но неприятное чувство разъедало изнутри. Те Ванька и Милада остались в прошлом. Я не могла его полноценно поддерживать в момент болезни, потому что заботилась о себе. Да, я скрыла рождение Вари, но на то у меня были причины! Раньше друг меня всегда понимал и поддерживал, но это было раньше. Скрыть рождение дочери — все равно что солгать. Да, я виновата! Виновата, что скрыла от Вани рождение племянницы. Но я так не хотела терять его дружбу, она даже на расстоянии меня согревала.

Настолько не ожидала получить от Ваньки ответ, что, когда телефон завибрировал у меня в руках, чуть не выронила его из рук.

«Наберу через десять минут».

Я забыла про разницу во времени, накрутила себя. Ванька, скорее всего, тренировался. Чуть меньше стали сжимать грудь стальные обручи. Эти десять минут я приводила свои

мысли в порядок.

На третий гудок я приняла видеозвонок, внешне абсолютно спокойна, но Ванька сходу заявил:

— Прекращай давай трястись, по заднице твоей я отсюда не достану, — строго произнес друг, а у меня отлегло от сердца. Ругается — значит, простил.

У него еще влажные после душа волосы, отросли сильно. Давно не был у парикмахера. Майка с короткими рукавами позволяет рассмотреть натренированные руки. Помню, какими атрофированными стали мышцы друга, пока он лечился и был на реабилитации.

— К тому времени, как ты приедешь, желание меня лупить не пропадет? — сдерживая улыбку. Я знаю, Ванька никогда не поднимет руку на женщину, это против его природы.

— Не пропадет, можешь не надеяться. Забуду, что ты у меня хрустальная ваза, и отхожу по худой заднице, — в привычной для нас манере продолжает отчитывать. — Как ты могла, Лада? — смотрит строгим взглядом. — Ладно, Глебу не сказала. От меня почему скрыла? Не заслужил твоего доверия? Легко было самой справляться? — он знает ответ на последний вопрос, поэтому и напирает.

Между нами расстояние в сотни километров, и смотрим мы друг на друга через экран телефона, а у меня ощущение, что Ванька рядом.

— Я не хотела, чтобы Глеб узнал о моей беременности, о

рождении дочери. Даже предположить в то время не могла, как он себя поведет, — делюсь открыто с Ванькой. — Ты бы не смог скрыть от него рождение Вари.

— Заметь, что он узнал. Узнал без моей помощи, — строго произносит Ванька. Мне становится стыдно. Он прав во многом, но мой страх в то время вытеснял голос разума.

— Я до сих пор не призналась Глебу, что Варя его дочь, — теперь я свободно могу говорить с Ванькой и даже обсуждать его брата.

— Он не дурак, Милада. По крайней мере, во всем, что не касается тебя, — добавляет, мотнув головой. — Милада, ты что, сидишь на унитазе и со мной разговариваешь? — смеется Ванька.

— Ой, — в расстроенных чувствах я как-то подзабыла, что приняла звонок по видеосвязи. Направляю камеру на свои ноги, демонстрирую, что сижу на крышке унитаза абсолютно одетая. — Варюшу не хотела будить, поэтому спряталась в уборной. А из-за гипса...

— Милада, прекращай, — прерывает мой поток оправданий. Да, что-то я становлюсь скучной. Загрузилась из-за мелочи. — Когда будешь знакомить меня с племяншкой? — спрашивает Ванька.

— Как только ты приедешь.

Ваня не отвечает, и у меня начинается паника. Неужели рецидив? Ладони потеют, а сердце учащенно бьется.

— Вань... — сглатываю, не могу больше ни слова вымол-

вить.

— Лада, все хорошо со мной. Глеб просил пока не путаться у него под ногами, — сдает Ванька брата. Я немного успокаиваюсь. Безумно рада, что мои опасения оказались ложными, но в то же время злюсь на Тихомирова. Не успел появиться, а уже раскомандовался.

— Только не говори, что ты его послушался, Вань. Ты ведь обещал приехать.

Еще несколько дней назад я боялась этого приезда, а теперь желаю его всей душой. Уверена, что Ванька найдет общий язык с Варей. Их давно нужно было познакомить.

— Глеб не обрадуется, — судя по тому, как довольно блестят его глаза, он уже все решил. — У меня билет на послезавтра...

Глава 27

Милада

Почти всю сегодняшнюю ночь не спала, думала над сложившейся ситуацией. Я не чувствую от Тихомирова угрозы, он не станет воевать за дочь. Я не идеализирую его, несмотря на мою зависимую любовь, я всегда трезво оценивала его характер и поступки. Он не отступится, но судиться не станет.

Чуть позже, когда удостоверюсь, что он готов принять Варю мыслями и душой, позволю ему видаться с дочерью. Не стоит забывать, что дети растут. Спустя несколько лет Варя начнет задавать неудобные вопросы, на которые мне придется стараться отвечать максимально честно. Нельзя настраивать ребенка против отца, какие бы глубокие обиды ни нанес мне Глеб, я этого не стану делать. Я сама была ребенком, которого делили родители, обвиняя друг друга. Не хочу пополнить ряды мам, от которых подростки убегают к отцу. Я в свое время убежала от обоих в Москву. Нам необязательно быть вместе, чтобы дочь чувствовала любовь обоих родителей. Нужно выстроить нормальные человеческие отношения. Как бы я себя ни убеждала, но сомнения оставались.

Глеб позвонил ближе к обеду. Я была готова к звонку. Тихомиров не из тех, кто легко отступает, тем более, когда затронуты его личные интересы. То, что он не позвонил с утра – подвиг. Выдержал несколько лишних часов.

Мама с детьми гуляла в саду, что позволило мне спокойно принять вызов.

— Доброе утро, — первым поздоровался Глеб.

— Доброе, — спокойным голосом. В динамике тишина. Вряд ли Глебу нечего сказать, скорее всего, подбирает слова, чтобы не услышать сразу отказ. Мне уже интересно, что он задумал. Я могу так долго молчать, минут двадцать у меня точно есть.

— Как ты? Как Варя? — интересуется Тихомиров.

Ставлю динамик на громкую связь и прыгаю до дивана, на нем лежат детские постиранные вещи. Мама сняла, но не сложила.

— У нас все хорошо, — вновь переключая динамик, фиксирую трубку между ухом и плечом, чтобы освободить руки.

— Могу вечером заехать вас провести? — после паузы, во время которой я успела сложить пару вещей.

— Нет, — спокойно отказываю.

Живи мы с Варей отдельно, возможно, мой ответ мог быть другим. Я не готова объясняться с мамой. Она категорично настроена против Глеба. Пока у меня нет веских доводов, которые могли бы до нее донести мою позицию. Я сама еще ни в чем не уверена.

— Не удивила, Ромашова, — одной этой фразой, сказанной таким знакомым голосом с низкими нотками, Глеб толкает меня в прошлое, где мы были счастливы. Где позволяли себе быть открытыми и счастливыми. Где эксперименты

в постели доставляли удовольствие и радость. А в конце Тихомиров произносил эту фразу, чтобы пойти на второй заход и начать удивлять меня.

По моей коже бегут мурашки. Одна картина сменяет другую. Отключая все чувства, мысленно прокашливаюсь и ровным тоном выдаю:

— Удивлять, как ты, Глеб, я никогда не умела и вряд ли научусь, — у этой фразы нет двойного дна. Тихомиров понимает, что к нашей интимной жизни эти слова никакого отношения не имеют.

— Никогда не простишь?

— Я простила тебя, Глеб. И отпустила, — не хочу, чтобы он думал, что сумеет меня вернуть.

— Посмотрим. Я позвоню вечером, — прежде чем он успел сбросить звонок, я услышала чьи-то голоса. Не разобрать, говорили мужчины или женщины. Неважно, я ведь не собираюсь ревновать Тихомирова. Только что ведь сказала, что отпустила его. Пора действительно отпустить. Противный голос в голове напоминает, что я не отпустила Глеба за два года разлуки, а теперь он рядом...

Сложив вещи стопочками, забрала Варины и попрыгала наверх.

Весь день я старалась не думать о Глебе. Завтра приедет Ванька, вот куда были устремлены мои мысли. Как же я рада нашей предстоящей встрече! Если бы не гипс, сама бы поехала встречать его в аэропорт. Напевая под нос и убираясь

в спальне, я не услышала, как, стукнув пару раз в дверь, в спальню вошла мама с моей малышкой на руках.

— Укладывай ее скорее спать, она уже глазки трет и зевает, — быстро освобождаю Варю из комбинезона, раздеваю и укладываю в кроватку.

— А Борис где? — спрашиваю маму, что-то она не уходит.

— Спит. На улице уснул, пока раздевала, даже не проснулся, — мама явно что-то хочет мне сказать, слишком долго мнется.

— Что-то случилось? — подталкиваю к разговору.

— Нет. То есть папу пригласили на какую-то крутую презентацию сегодня вечером, он просит меня пойти с ним, но мне неудобно оставлять на тебя детей.

— Идите, конечно же, — легко отпускаю, но в голове зреют подозрения: не стоит ли за этим Тихомиров?..

Глава 28

Глеб

Загорается экран телефона, легкая вибрация сообщает о входящем вызове. Отложив в сторону документы, принимаю звонок. Теперь для родных я на связи 24/7. Научен на своих ошибках.

— Вань, я тебя слушаю, — прикладываю трубку к уху, откидываюсь на спинку кресла.

— Встретишь меня? — в голове моментально складывается пазл.

— Решил все-таки прилететь? — я не удивлен. Знал, что, узнав о Варе, брат не захочет сидеть на месте. Ванька своих давно хотел, но болезнь жестко скорректировала планы на жизнь.

Злюсь ли я на него? Нет. Сам думал позвать. Нечестно держать его вдалеке от племяшки. Жизнь скоротечна и непредсказуема. Каждый раз я боюсь услышать, что болезнь вернулась. Когда ты или кто-то из твоих близких соприкасается со смертью, ты делаешь правильные выводы, но со временем забываешь им следовать, погружаясь в ежедневные заботы, но нужно иногда останавливаться, оглядываться назад.

— Решил. Закроешь аэропорт и развернешь самолет? — усмехается в трубку Иван. Подколыщик! Знает, на что я спо-

собен ради своей женщины.

— Нет, лучше – встречу тебя сам! — на самом деле, я напряжен, потому что не знаю, чем для наших отношений с Миладой обернется приезд брата. Сложно испортить то, что давно разрушено, но я хочу верить, что у меня получится хоть что-то исправить.

— Только чур – не драться. Ты в последнее время запустил себя, а я постоянно тренируюсь, не хочу доставлять радость твоим сотрудникам, — я давно уже тренируюсь. Спусти восемь месяцев после ухода Милады через «не хочу» взял себя в руки.

— Ты сначала хоть раз попади по моему лицу, — давно мы не подшучивали друг над другом. Из нашего общения пропала легкость. Нужно это исправить.

— Вызову тебя на бой, — шутит Иван. Я первый урою того, кто ударит его по голове.

— Согласен, но выбор оружия за мной...

Пошутив еще немного, я выясняю, через сколько часов брат будет в Новосибе. Мне хочется устроить ему сюрприз. Ему и Миладе. Да и что скрывать, сам хочу ее увидеть. Вот и повод появился.

Несколькими звонками решаю вопрос с Ромашовыми. Подкидываю приглашение, от которого они не в силах отказаться. Плохо, что на Миладу опять свалится забота о двух неугомонных малышах, но мы с Ванькой придем на помощь. Прямо Чип и Дейл, которые спешат.

Вечером, прежде чем отправиться в аэропорт, пишу Миладе сообщение.

«Заеду к вам ненадолго, ты ведь не против?»

«Против, но разве тебя это остановит?» — приходит почти сразу.

Я вижу перед собой ее недовольное лицо в момент, когда она пишет это сообщение. Злится. Милада, как никто, умеет скрывать свои чувства. За завесу ее мнимого отчуждения сложно пробраться. Мне когда-то удалось, я ловил неподдельный кайф, наблюдая ее настоящую. Хочу вернуть эти ощущения в свою жизнь.

«Нет!» — отправляю, а у самого губы растягиваются в улыбке. Знаю, что ее мой ответ и восклицательный знак в конце злят. Пусть лучше злится, чем будет равнодушной и отчужденной.

Самолет Ивана прилетает вовремя. Погода словно благоволит. Днем мело, а сейчас ни снега, ни ветра.

— На несколько дней? — киваю на багаж. Ванька налегке, с одним чемоданом и сумкой.

— Как оказалось, у меня нет настоящей зимней одежды, пригодной для сибирских морозов, — ухмыляется брат.

Все это время вглядываюсь в его лицо. Выглядит Иван здоровым, ни синяков под глазами, ни бледного цвета кожи, ни потери веса. Наоборот, набрал немного после нашей последней встречи, хотя, может, все дело в пуховике.

— Заедем в какой-нибудь детский магазин, хочу купить

подарки детям.

— Я уже купил, скажем, что от тебя, — забираю чемодан и двигаюсь к выходу.

Иван все-таки заставляет меня остановиться возле детского бутика одежды, когда узнает, что мы едем не ко мне, а сразу к Миладе в гости. Покупает несколько пакетов вещей. Приходится торопить, времени побыть с моими девочками не так много, не хочу пересекаться с Ромашовыми. Особенно со Стешей. Смотрит на меня волком постоянно, обижается за прошлое, а сказать ничего не может. Прав я был в той ситуации, но ее женскую гордость задел. Простить не может. Я о той ситуации и не вспоминал ни разу, пока она на нашей свадьбе пьяной мне не выдала:

— Переспать со мной ты отказался, а на дочь мою повелся, а ведь она моя копия, — усмехнулась пьяно. — Я и тогда тебе, Тихомиров, не поверила, что ты меня не хочешь, а сейчас убедились. Только замена – не оригинал, — качая головой.

— Стеш, ты не в себе, иди к мужу, — отошел подальше от жены друга, боясь, что Милада услышит.

Их отношения со Степаном всегда были на ножах: остро и больно обоим. Степка своих секретарш и менеджеров в постель таскал, а Стешка к его друзьям лезла, чтобы побольнее мужу сделать. Мой отказ много лет назад ее жестко задел. Ромашова очень льстила себе, когда сравнивала себя с дочерью. Она даже не бледная копия Милады.

Подъехав к дому, звоню в калитку, но мне никто не отвечает...

Глава 29

Милада

— Ох, Варя! — бурчу на малышку, подхватываю на руки и несу в манеж. Варюша сопротивляется, не хочет сидеть в неволе. — Ничего не поделаешь, нечего было соком обливаться.

На весь дом поднимается детский плач, который царапает сердце, но мне нужна эта пара минут, чтобы «сбегать» наверх и переодеть футболку. На одной ноге быстро не побегаешь. Прихорашиваться перед приходом Тихомирова я специально не стала: надела черные брюки-кюлоты и короткую белую футболку, на которую Варя решила выплюнуть сок. Не пару каких-то капель, а полный рот сока, который она набрала и держала за сомкнутыми

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.